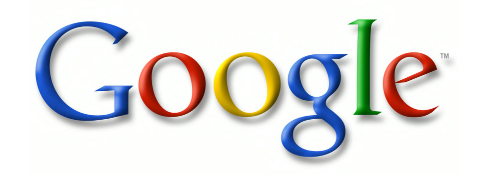
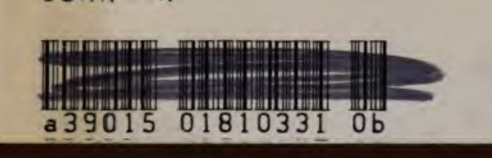
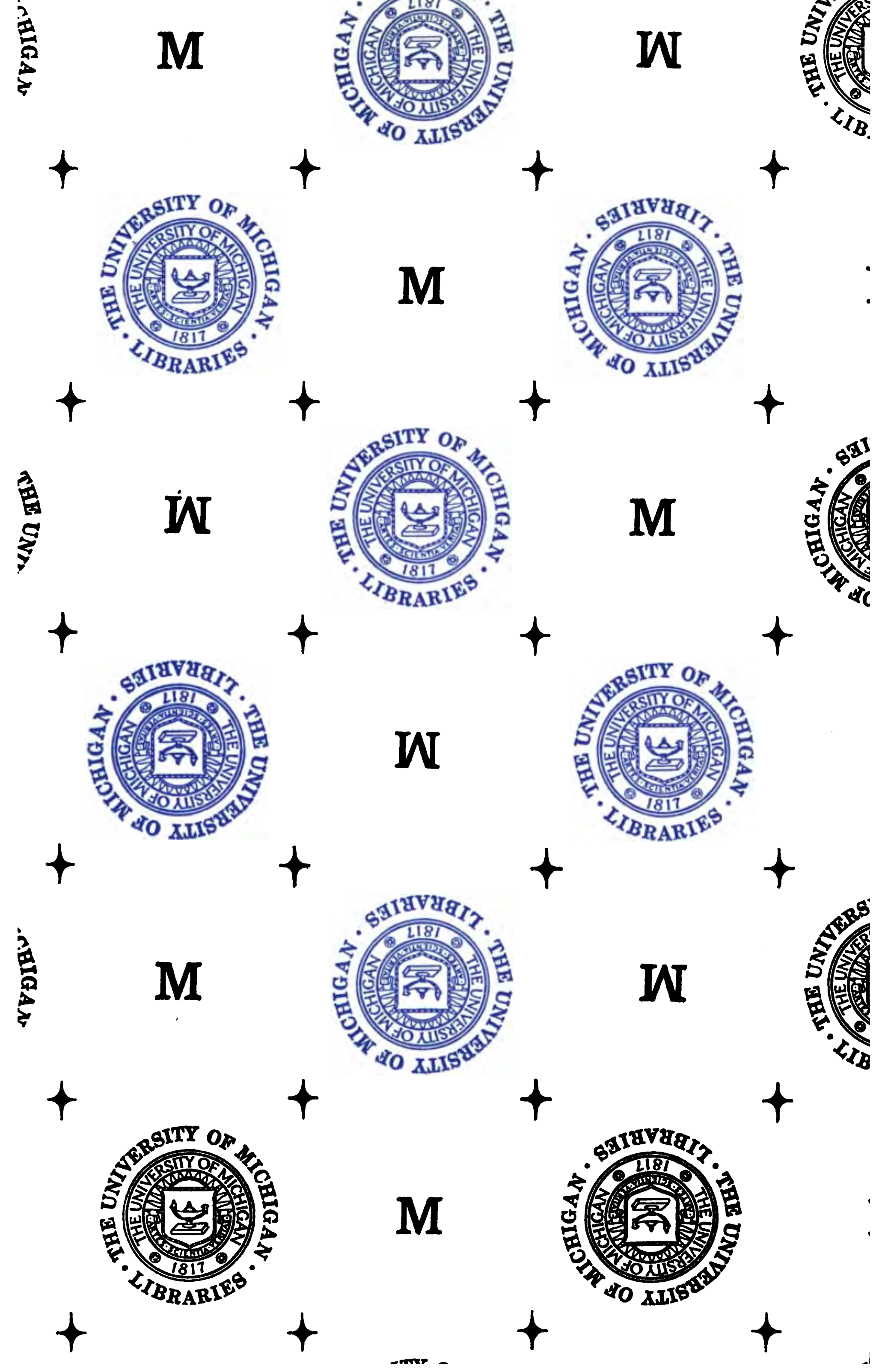

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

Русскіе Современные Дѣятели.

СБОРНИКЪ ПОРТРЕТОВЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ
НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ
СЪ
БІОГРАФИЧЕСКИМИ ОЧЕРКАМИ.

СОСТАВЛЕНЪ
Д. И. Лобановымъ.

Томъ I.

Изданіе А. О. Баумана.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева. Невскій пр., д. № 8.
1876.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 20 ноября 1876 года.

ныхъ дѣятелей. Безпристрастная-же и всесторонняя оцѣнка ихъ дѣятельности и способностей произвеедена будетъ когда, послѣ насъ, наступитъ другая эпоха, для которой труды нашего времени послужатъ матеріаломъ. Вотъ почему, въ сторонѣ отъ всякаго рѣшительнаго и преждевременнаго приговора, а только руководствуясь однимъ желаніемъ собрать свѣденія о главныхъ, выдающихся лицахъ нашего времени, мы предпринимаемъ изданіе ежегоднаго сборника русскихъ современныхъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы льстимъ себя надеждою, что, можетъ быть, читатель найдетъ въ этомъ сборникѣ нѣкоторое опредѣленное понятіе о двигателяхъ нашего прогреса, во всѣхъ частяхъ его проявленія, т. е. найдетъ біографическія свѣденія о людяхъ, которые служатъ представителями эпохи.

ныхъ дѣятелей. I
ихъ дѣятел
когда, посл
труды наш
му, въ сто
меннаго пр
ніемъ собр
нашего вр
сборника
тѣмъ мы
татель на
ное понят
частяхъ е
свѣденія
эпохи.

Макарій, Арх. Литовскій.

I.

Макарій,

Архіепископъ Литовскій и Виленскій.

Въ 1816 году 19-го сентября, въ селѣ Сурковѣ, Новооскольскаго уѣзда, Курской губерніи, у бѣднаго сельскаго священника Петра Булгакова родился сынъ, нареченный при св. крещеніи Михаиломъ. Скудныя средства и многочисленное семейство были причиною тому, что малютка Михаилъ не былъ окруженъ необходимыми заботами о сохраненіи здоровья; онъ росъ слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, внѣ всякихъ гигіеническихъ условій, и развитіе его, какъ и всѣхъ вообще сельскихъ дѣтей, за неимѣніемъ средствъ къ леченію, предоставлялось на волю Божію. Болѣзненное состояніе дитяти однако не измѣнялось, а обстоятельства отца дѣлались все хуже и хуже. Наконецъ и самъ о. Петръ, послѣ тяжкой, постоянно сопутствуемой нуждою и горемъ жизни, скончался, оставивъ послѣ себя вдову и дѣтей, безъ всякихъ средствъ, ибо нельзя-же назвать средствомъ къ существованію двѣнадцатирублевый годовой окладъ вдовы Булгаковой, который она получала послѣ мужа.

При всемъ этомъ требовалось дать дѣтямъ какое-либо образованіе; и вотъ, полубольного, въ рубищѣ, босого, съ непокрытою, облитою золотушными струпьями головою Ми-

хаила привели въ школу учиться грамотѣ, не предвидя того, что ему нужна, еще прежде пищи духовной, пища тѣлесная и облегченіе недуга. Само собою разумѣется, что хворый ребенокъ не могъ успѣшно учиться наравнѣ съ другими товарищами, обладающими здоровьемъ и силой; онъ былъ заброшенъ, и на него смотрѣли какъ на ученика, подающаго мало надеждъ на какіе-либо успѣхи. Но Провидѣнію угодно было рѣшить иначе, судьба казалось сжалилась наконецъ надъ несчастнымъ мальчикомъ. Однажды,—когда Михаилъ Булгаковъ, спрятавшись отъ обижавшихъ его товарищей на дворѣ школы за дровами, заучивалъ не совсѣмъ понятный для него урокъ,—вдругъ въ его и безъ того наболѣвшую, изъѣденную золотухой голову ударился камень, неизвѣстно откуда брошенный; къ счастію камень былъ небольшихъ размѣровъ, и разсѣкъ только наружную оболочку, такъ что Булгаковъ отдѣлался однимъ кровоистеченіемъ. Но этотъ случай имѣлъ какое-то непостижимое вліяніе на его здоровье, которое послѣ того вдругъ замѣтно стало улучшаться, голова очистилась отъ язвъ, явились силы, но не только физическія,—силы духовныя,—явились способности къ ученію; и въ короткій срокъ Михаилъ Булгаковъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ школы. Всѣ обратили на него вниманіе. Наконецъ, на одномъ изъ экзаменовъ, архіерей Курскій Илліодоръ такъ восхищенъ былъ отвѣтами и способностями Михаила, что разспрашивалъ его о семействѣ и когда узналъ, что мать получаетъ только 12 руб. въ годъ, то самъ пожелалъ выхлопотать ей сторублевый окладъ и, кромѣ того, обѣщалъ всѣхъ трехъ сестеръ Михаила выдать замужъ за священниковъ, что и исполнилъ впослѣдствіи.

Особенно обнаружились способности Михаила Булгакова къ наукамъ во время ученія его въ Курской духовной семинаріи, гдѣ онъ, за свои блестящіе успѣхи, пріобрѣлъ такую

любовь и расположеніе къ себѣ наставниковъ, что они, несмотря на его юношескій возрастъ и вопреки обычаю, даже вызывали его не иначе какъ по имени и отчеству. Бывшій въ то время ректоромъ семинаріи Эльпидифоръ, архіепископъ Таврическій, соболѣзнуя о сиротствѣ и безпріютности своего замѣчательно способнаго ученика, даже бралъ его къ себѣ на каникулы и не переставалъ заботиться о предстоящей карьерѣ своего кліента во всѣхъ отношеніяхъ, поучалъ его, воспиталъ и направлялъ развитіе умственныхъ его способностей. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что проповѣдническія дарованія молодого Михаила создались вовсе не подъ руководствомъ извѣстнаго проповѣдника Инокентія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые, а исключительно подъ вліяніемъ наставническихъ поученій высокообразованнаго ученаго Эльпидифора. Такимъ образомъ, въ 1837 году, 14 іюля, Михаилъ Булгаковъ окончилъ со степенью студента курсъ семинаріи, гдѣ обучался наукамъ: богословскимъ, философскимъ, словеснымъ, историческимъ, физико-математическимъ, языкамъ: еврейскому, греческому, латинскому и французскому и, вслѣдъ за тѣмъ, поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Кіевскую духовную академію.

Здѣсь уже ученое призваніе молодого студента получило опредѣленное направленіе и онъ серьезно посвятилъ себя изученію богословія и проповѣдническаго пастырскаго краснорѣчія; а чтобы болѣе и всецѣло предаться наукѣ, онъ пожелалъ, еще во время ученія въ академіи, на 25 году жизни, постричься въ монашество, что и исполнилъ 15 февраля 1841 г., принявъ въ иночествѣ имя Макарія; 25 марта того-же года онъ посвященъ въ іеродіакона. Въ томъ-же 1841 г. іюня 28-го окончилъ курсъ наукъ въ Кіевской духовной академіи, съ причисленіемъ къ 1-му разряду воспитанниковъ, и на другой день, т. е. 29 іюня, посвященъ въ іеро-

монаха. Ученые труды Макарія скоро были признаны академіею и онъ, 27 августа того-же года, сдѣланъ былъ бакалавромъ русской церковной и гражданской исторіи; а 20 января 1842 г., кромѣ этой должности, исправлялъ должность ректора Кіево-Подольскихъ училищъ.

Такъ быстро создавалась карьера ученаго іеромонаха Макарія, и эти первые успѣхи на поприщѣ науки можетъ быть были главнымъ условіемъ его дальнѣйшей блестящей будущности. Особенно онъ еще болѣе предался наукѣ, когда ровно черезъ годъ, а именно 12 іюля 1842 года удостоился перемѣщенія въ Петербургскую академію, баккалавромъ богословскихъ наукъ. Это былъ, какъ самъ онъ объясняетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, самый счастливый и полный очаровательныхъ симпатій души къ научной професiи періодъ жизни. Въ августѣ того-же года онъ исправлялъ должность помощника инспектора академіи, затѣмъ въ томъ-же году утвержденъ въ этой должности, возведенъ на степень магистра и назначенъ членомъ комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Потомъ, въ 1843-мъ году, за обширныя познанія въ предметахъ богословія и отлично ревностную службу, опредѣленіемъ Синода, утвержденъ въ званіи экстраординарнаго професора богословскихъ наукъ. Къ этому времени относится его первый литературно-ученый трудъ: «*Исторія Кіевской академіи*», сочиненіе, въ которомъ авторъ освѣтилъ всѣ историческіе факты долговременной дѣятельности этого учрежденія, какъ разсадника и до нашего времени духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Въ слѣдующемъ 1844 году онъ былъ назначенъ на ревизію Олонецкой семинаріи и утвержденъ членомъ С.-Петербургскаго комитета для цензуры церковныхъ книгъ, а также опредѣленъ инспекторомъ и ординарнымъ професоромъ С.-Петербургской академіи съ возве-

деніемъ въ санъ архимандрита и присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третьекласнаго монастыря.

Въ 1846 г. появилась вторая книга соч. Макарія подъ заглавіемъ: «*Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра*», которая служитъ введеніемъ къ исторіи русской церкви, написанной имъ позже. Этотъ трудъ доставилъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, такъ что въ томъ-же году онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ.

Въ слѣдующемъ 1847 году издана была его книга подъ названіемъ: «*Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія Татаръ*», заключавшая въ себѣ лекціи, читанныя имъ прежде въ Кіевской академіи. Въ томъ-же году появилось извѣстное его сочиненіе «*Введеніе въ православное богословіе*», за которое архимандритъ Макарій былъ возведенъ на степень доктора богословія, съ возложеніемъ на него докторскаго креста, и отъ Государя пожалованъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Этотъ ученый трудъ безъ сомнѣнія слѣдуетъ считать однимъ изъ лучшихъ его сочиненій. Оно было переведено на французскій языкъ (Paris, Joël Cherbuliez, 1857).

Съ того времени начинается самая многообразная и многотрудная дѣятельность архимандрита Макарія; среди ученыхъ литературныхъ трудовъ, ему еще предстояла дѣятельность административная: въ 1848 году онъ обозрѣвалъ семинаріи Тверскую, Тульскую, Олонецкую и С.-Петербургскую съ подвѣдомственными имъ училищами, въ 1850 г. былъ избранъ членомъ корреспондентомъ императорскаго археологическаго общества и опредѣленъ ректоромъ С.-Петербургской академіи съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля первокласнаго монастыря; а въ 1851 г. повелѣно

ему быть епископомъ Винницкимъ, викаріемъ Каменецъ-Подольской епархіи и настоятелемъ первокласнаго Шаргородскако Свято-Николаевскаго монастыря; 28 января того же года хиротонисованъ онъ въ санъ епископа, и сдѣланъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ.

Въ слѣдующемъ 1852 г. вышло въ свѣтъ его замѣчательное сочиненіе *«Православное Догматическое Богословіе»* въ 5-ти томахъ 1849—1852 г., переведенное также на французскій языкъ (Paris, Joël Cherbuliez, 1857—1859) въ 2-хъ большихъ томахъ. Достоинство этой книги свидѣтельствуется тремя послѣдовательными одно за другимъ изданіями. Наконецъ и самый отзывъ о ней знаменитаго въ то время оратора Инокентія, архіепископа херсонскаго, Петербургской академіи наукъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ ученомъ трудѣ Макарія оказана громадная услуга догматическому изученію богословія и что ничего подобнаго до того времени не было издано. Это сочиненіе, чрезъ два года послѣ изданія, удостоилось полной демидовской преміи въ 1,428 руб.

Въ 1853 г. Макарій былъ избранъ почетнымъ членомъ императорскаго археологическаго общества и ему поручено начальствомъ преподаваніе исторіи и статистики и опроверженія главнѣйшихъ заблужденій русскаго раскола въ миссіонерскомъ отдѣленіи при петербургской духовной академіи, а въ 1854 г. онъ утвержденъ былъ въ званіи ординарнаго академика императорской академіи наукъ и въ 1855 избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, когда и появилось его сочиненіе подъ заглавіемъ *«Исторія Русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества»*. Вслѣдъ за этимъ онъ избранъ былъ предсѣдателемъ комитета для изданія краткихъ духовно-нравственныхъ книгъ, назначен-

ныхъ въ чтеніе простому народу, а въ 1856 г. избранъ почетнымъ членомъ императорскаго харьковскаго университета.

Наконецъ въ 1857 г. началось изданіе его самаго обширнаго учено-литературнаго труда *«Исторія Русской Церкви»* (2-е изданіе 1873 г.), которая въ семи вышедшихъ томахъ доведена только до 1664 г., нынѣ же приготовляется къ выпуску и 8-й томъ. Матеріалами для своей исторіи церкви Макарій пользовался преимущественно въ библіотекахъ св. Софіи въ Новгородѣ и въ музеѣ Румянцева въ Петербургѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о его *«Руководствѣ къ изученію православнаго догматическаго Богословія»*, переведенномъ на нѣмецкій языкъ и о которомъ въ нѣмецкомъ же богословско-апологетическомъ ежемѣсячномъ журналѣ «Der Beweis des Glaubens» появилась, въ прошломъ году рецензія, гдѣ критикъ, упоминая о сочиненіяхъ Макарія вообще, говоритъ: «что въ его ученыхъ богословскихъ трудахъ авторъ является представителемъ строго-православнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просвѣщеннаго и миролюбиваго направленія, чуждаго полемическихъ крайностей и духа нетерпимости въ отношеніи къ инославнымъ христіанамъ». А по отношенію къ послѣднему сочиненію продолжаетъ: «что въ связи съ теплымъ религіознымъ чувствомъ и твердостью убѣжденія, которая просвѣчиваетъ изъ всѣхъ доказательствъ автора, это сочиненіе Макарія должно оказать свою привлекательную силу на нѣмецкихъ читателей евангелической церкви, отличающихся церковнымъ направленіемъ».

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, литературно-ученая и административная дѣятельность возведеннаго въ 1862 году въ санъ архіепископа Макарія. Послѣ этого слѣдовало бы упомянуть еще о многихъ фазисахъ его служебной, филантропической и ученой дѣятельности, слѣдовало бы перечислить всѣ высочайшія благоволенія и награды, всѣ случаи призна-

тельности къ нему ученыхъ корпорацій, гдѣ его повсемѣстно избирали почетнымъ членомъ, но предѣлы настоящаго очерка не даютъ этой возможности. Мы еще должны сказать нѣсколько словъ о замѣчательныхъ и обширныхъ ораторскихъ проповѣднических дарованіяхъ высокопреосвященнаго Макарія.

При всей своей ученой и административной дѣятельности, архіепископъ Макарій имѣлъ еще возможность исполнять требы священнослужительскія и, благодаря этому служенію, мы имѣемъ, на каждый праздникъ церковный, на каждый случай гражданской общественной жизни и его собственной личной, нѣсколько словъ и рѣчей, которыя исполнены живѣйшаго чувства и просвѣщеннаго ума. Высокопреосвященный Макарій, нерѣдко скорбѣлъ о томъ направленіи, которое проявлялось въ пятидесятыхъ годахъ, подъ видомъ западничества, въ средѣ учащейся молодежи и даже среди литературныхъ дѣятелей. Ему представился случай сказать, въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова въ Харьковскомъ университетѣ, 2 февраля 1868 г., слово, въ которомъ онъ, въ противовѣсъ западничеству, охарактеризовалъ личность истинно коренного русскаго нашего мудреца-баснописца. «*Какъ онъ говорилъ?* спрашивалъ Макарій своихъ слушателей о Крыловѣ. Языкъ его — чисто русскій, но выработанный имъ самимъ и запечатлѣнный силою его необыкновеннаго таланта; онъ взялъ нашу образованную литературную рѣчь, освободилъ ее отъ всего искуственнаго, чужеземнаго и обрусилъ ее чрезъ сліяніе съ простонародною рѣчью. И вышелъ Крыловскій языкъ. *Что онъ говорилъ?* Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ и, въ особенности, мудрецъ русскій. Братья-соотечественники! воскликнулъ Макарій, договаривать-ли, *что еще завѣщалъ намъ нашъ без-*

смертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ намъ быть русскими вполнѣ, какимъ былъ самъ до глубины своего существа; онъ завѣщалъ намъ любовь, искреннюю, безграничную любовь ко всему отечественному: къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ кореннымъ началамъ нашей народной жизни. Итакъ, заключалъ онъ, развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ добромъ и прекрасномъ; обогащайте себя разнородными познаніями, откуда бы они ни приходили; старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды общеевропейскаго, общечеловѣческаго образованія. Но зачѣмъ? Затѣмъ, помните, затѣмъ, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принести въ жертву ей—вашей родной матери, Россіи!»

II.

Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

Прислушиваясь къ народной молвѣ и слѣдя за отзывами въ заграничныхъ и русскихъ журналахъ и газетахъ о высокополезной и знаменательной дипломатической дѣятельности нашего маститаго канцлера свѣтлѣйшаго князя А. М. Горчакова, можно изъ всего уже объ немъ высказаннаго вывести одно общее, слѣдующее заключеніе: «Судьба не ставила князя въ необходимость утверждать прочность и единство имперіи кровавыми, хотя-бы и блестящими побѣдами, подобно канцлеру сосѣдней имперіи князю Бисмарку, но Россія и не нуждалась ни въ чемъ подобномъ. Прочность ея историческаго существованія утверждена вѣками и никакой сосѣдъ не угрожаетъ ея цѣлости и единству. Заслуги нашего канцлера велики на другомъ поприщѣ: никто не держалъ такъ высоко и такъ твердо знамя Россіи, какъ князь Горчаковъ передъ иностранными державами, никто не отстаивалъ съ такимъ достоинствомъ интересы Россіи въ ея дипломатическихъ сношеніяхъ. Ему обязана она тѣмъ высокимъ, въ настоящемъ времени, первенствующимъ мѣстомъ, которое занимаетъ въ ряду первокласныхъ державъ Европы; ему обязана возстановленіемъ нашей власти въ Черномъ морѣ, вліяніемъ нашимъ на востокѣ. Наконецъ представителю русской земли въ совѣтѣ цивили-

зованныхъ государствъ принадлежитъ осуществленіе высокогуманной мысли — обузданія ужасовъ и бѣдствій войны, посредствомъ составленія международныхъ правилъ веденія военныхъ дѣйствій по возможности въ строго очерченныхъ границахъ, т.-е. устраненія всѣхъ безчеловѣчныхъ поступковъ и варварскихъ снарядовъ въ военное время.»

Касаясь болѣе глубокаго и подробнаго толкованія заслугъ А. М. Горчакова, одна изъ болѣе распространенныхъ и компетентныхъ газетъ нашихъ говоритъ: «дѣятельность всякого государственнаго человѣка, призваннаго стоять на стражѣ народной чести и матеріальныхъ интересовъ родины въ ея международныхъ сношеніяхъ, слагается изъ элементовъ крайне разнообразныхъ; уловить общій внутренній смыслъ этой дѣятельности возможно только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она неуклонно преслѣдуетъ одну, заранѣе и точно опредѣленную задачу и энергически направляется къ ясно сознаваемой и вполнѣ достижимой цѣли. Такой, дѣйствительно рѣдкій случай представляетъ двадцатилѣтняя дѣятельность князя Горчакова, какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Не только уничтожить унизительныя для чести и достоинства Россіи, нѣкоторыя статьи парижскаго трактата 1856 года, но поставить значеніе Россіи во внѣшнихъ ея сношеніяхъ столь высоко, чтобъ въ будущемъ самая мысль о подобныхъ парижскому трактатахъ стала по отношенію къ Россіи невозможною — вотъ, какъ намъ кажется, внутренній смыслъ двадцатилѣтней дѣятельности князя.»

Еще въ 1855 году, будучи только русскимъ посланникомъ въ Австріи, Александръ Михайловичъ громко и рѣшительно заявлялъ на конференціи, что Россія не приметъ и не можетъ принять условіе, которое нарушало-бы ея право на собственной територіи. Онъ говорилъ: «великая держава

не может принять такого условія и Россія не согласится на ограниченіе своего флота». Такое энергически высказанное понятіе было так убѣдительно, что предсѣдатель конференціи граф Буоль согласился, что «въ теоріи притязаніе ограничить сухопутныя и морскія силы государства, есть покушеніе на его верховныя права», но посовѣтовалъ: «принять это условіе, оговоривъ за своимъ государемъ полную свободу дѣйствій въ будущемъ».

Что же было въ будущемъ? Какъ князь оправдалъ свои убѣжденія и чѣмъ подтвердилъ свои слова? Вскорѣ послѣ того онъ назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и на это обширное поприще дѣятельности перенесъ всѣ тѣ благія мысли, которыя составляли его завѣтную идею о политикѣ Россіи. Правда, осуществленіе его мыслей сбылось не такъ скоро; этому противодѣйствовали отчасти обстоятельства внутренней жизни государства, пережившаго рядъ реформъ; нужно было выжидать время, когда новая организація домашняго хозяйства получитъ прочное, незыблемое начало, когда внѣшняя сила наша будетъ опираться на внутреннее благоустройство,—но при всемъ томъ однако, хотя и черезъ 14 лѣтъ, А. М. Горчаковъ достигъ наконецъ осуществленія своей мысли, именно 19-го октября 1870 года, объявилъ Европѣ циркуляромъ, что «Его Императорское Величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го марта 1856 года, насколько они ограничиваютъ Его верховныя права въ Черномъ морѣ». Такая побѣда надъ тяготѣвшимъ въ нашемъ государственномъ быту чужеземнымъ вліяніемъ совершена была какъ нельзя болѣе въ удобное время, когда ни одна изъ европейскихъ державъ не въ состояніи была сказать, или предпринять что-либо противъ этого рѣшенія, когда всѣ дипломаты находились подъ гнетомъ франко-германскаго столкновенія.

Можно утвердительно сказать, что ни одна европейская держава не воспользовалась такъ удачно этою войною какъ Россія; она безъ всякихъ потерь, безъ пролитія крови, стряхнула съ себя несправедливыя цѣпи. Неужели эти мирныя завоеванія не слѣдуетъ отнести къ великой заслугѣ нашего канцлера? Съ этого времени роль Россіи въ восточномъ вопросѣ опять перемѣнилась, опять ея вліяніе становится первенствующимъ. Нынѣ, говоритъ та же газета, «Турція, послужившая поводомъ къ парижскому трактату, опять въ огнѣ; восточный вопросъ опять тревожитъ Европу. Но Россіи принадлежитъ теперь уже иная роль: она не стращаетъ уже никого своими завоевательными стремленіями, а, напротивъ, является державою наиболѣе умиротворяющею и сдерживающею (въ свою очередь) войнолюбивыя посягательства, откуда бы они ни исходили. Голосъ Россіи окрѣпъ и получилъ нравственную силу въ томъ именно вопросѣ, который двадцать лѣтъ назадъ, былъ поводомъ къ ея униженію.»

Такимъ результатомъ выяснилась двадцатилѣтняя дѣятельность нашего министра иностранныхъ дѣлъ и такія послѣдствія являлись во всякомъ шагѣ его политическихъ комбинацій. Такъ напримѣръ, современники никогда не забудутъ и потомки наши съ благодарностью будутъ вспоминать смѣлый и рѣшительный отвѣтъ его на заявленія европейскихъ державъ, сдѣланныя по поводу польскаго возстанія въ 1863 году. Вся Россія рукоплескала энергическому протесту русскаго канцлера противъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Судьба этой послѣдней коалиціи противъ Россіи извѣстна,—она рушилась и не имѣла никакихъ послѣдствій, а мятежъ былъ усмиренъ собственными средствами. Всѣ эти эпизоды совершились на нашихъ глазахъ и мы можемъ прослѣдить замѣчательную дѣятельность князя А. М. Горчакова. Конечно многое въ этой дѣятельности останется

еще непонятымъ, не разгаданнымъ, но нельзя и претендовать на то, чтобы узнать всѣ тонкія черты дипломатіи, заключающей въ себѣ иногда государственныя тайны. Въ будущемъ конечно вся служебная карьера канцлера будетъ раскрыта со всѣми подробностями услугъ, оказанныхъ имъ отечеству; теперь же намъ остается упомянуть только о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся его лично

Нашъ государственный канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, родился въ 1799 году и воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ въ 1817 году окончилъ курсъ и поступилъ на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, съ восемьнадцатилѣтняго возраста и до настоящаго времени, князь почти шестьдесятъ лѣтъ исключительно посвящалъ себя дипломатической дѣятельности, что рѣдко бываетъ въ жизни государственныхъ людей, часто подвизающихся на различныхъ поприщахъ. Еще въ молодости князь, состоя при графѣ Нессельроде и графѣ Каподистрія, былъ на конгресахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. 1822 года декабря 2-го, онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, а 1827 года іюля 24-го первымъ секретаремъ миссіи въ Римѣ. Въ октябрѣ слѣдующаго 1828 года былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Тосканскомъ и Луккскомъ дворахъ. Затѣмъ, въ 1841 году 5-го декабря, князь Александръ Михайловичъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Виртембергскомъ дворѣ, а съ 29-го января 1850 года, сверхъ того, чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при германскомъ союзѣ. Послѣ онъ находился чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Австрійскомъ дворѣ, пока наконецъ не былъ назначенъ, 15-го апрѣля 1856 года, въ настоящую должность. Въ 1862 году

17-го апрѣля возведенъ онъ былъ въ званіе вице-канцлера, а въ 1867 году—въ званіе государственнаго канцлера.

О полезной и многознаменательной дѣятельности свѣтлѣйшаго князя мы уже сказали въ общихъ чертахъ, что заслуги его какъ министра иностранныхъ дѣлъ заслуживаютъ глубокаго уваженія и признательности. Кромѣ того, нельзя не отдать должной справедливости неутомимому мужеству, съ какимъ онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не смотря на разстроенное здоровье, исполняетъ возложенную на него обязанность дипломата. Вездѣ сопутствуя Государю въ заграничныхъ вояжахъ, и лично изъ устъ Монарха узнавая цѣли и програмы политической жизни Россіи, князь въ высшей мѣрѣ оправдываетъ свое назначеніе, и дай Богъ, чтобы ему пришлось еще многіе годы исполнять съ блестящимъ успѣхомъ волю нашего Царя и возвышать отечество, осуществляя завѣтныя политическія цѣли, особенно въ настоящее бурное время, когда Россіи предстоитъ играть славную и блестящую роль въ кровавомъ столкновеніи, возникшемъ на востокѣ.

17-го ап

а въ

(

лѣйі

засл

глуб

не с

съ к

разс

занн

ныхъ

прог

мѣрѣ

прип

хомъ

завѣ

врем

роль

III.

Константинъ Петровичъ Кауфманъ.

Нельзя не отдать должной справедливости мужественной и предпріимчивой способности русскаго народа пускаться въ дальнія странствованія, въ невѣдомыя земли, чтобы занять ихъ, или воспользоваться выгодами торговли, или же просто ради путешествія, любознательности. Но что всего замѣчательнѣе: духъ отважныхъ переселеній и странствованій развитъ не только въ высшемъ классѣ народа, а неусидчивость дома, исканіе золотыхъ горъ, медовыхъ рѣкъ и трудной, но богатой добычи составляютъ весьма замѣтную черту въ характерѣ низшихъ слоевъ нашего общества. Душа русскаго человѣка ищетъ простора, поэтическихъ образовъ, стремится туда, куда влечетъ его любопытство, желаніе насладиться созерцаніемъ невѣдомыхъ краевъ; и вотъ почему даже люди, неспособные на какой-либо трудъ, неспособные защитить себя въ случаѣ нападенія, — престарѣлыя, простыя женщины, богомолки, странницы—и тѣ, руководимыя инстинктомъ любознательности, снуютъ изъ конца въ конецъ по дальнимъ окраинамъ Россіи, и часто пускаются въ путь за предѣлы государства. Это стремленіе къ простору, къ необузданной, никакими предѣлами не скованной дѣятельности и отважной предпріимчивости, ради пріобрѣтенія выгодъ, или желанія узнать невѣдомый край, какъ нельзя лучше отразилось во внѣшнихъ формахъ, въ

пространствѣ нашего отечества: духъ народа увлекъ его занять необъятное пространство земли, и вся эта земля досталась намъ единственно только благодаря этой особенной чертѣ нашего національнаго характера. Политическая жизнь наша создалась именно тѣмъ же путемъ. Такъ еще въ глубочайшей древности духъ народа увлекалъ князей нашихъ, то воевать съ Царьградомъ, то проникать въ земли окружавшихъ наше отечество варваровъ, захватывая при этомъ все больше и больше земли. Потомъ, когда государство получило нѣкоторую физіономію и самостоятельное устройство, тогда уже и совершенно частные люди, какъ напримѣръ, Ермакъ,—отваживались, съ незначительною дружиною покорять невѣдомый, необъятный, богатый край Сибири; а далѣе (можетъ быть потомки этой храброй дружины), на утлыхъ ладьяхъ переплывали Восточный океанъ и, въ награду своей неудержимой дѣятельности, пріобрѣтали изрядный клочекъ земли па Американскомъ материкѣ. Такъ создавалось наше государство и этому безпредѣльному созданію не будетъ конца, пока духъ народа не оскудѣетъ. Въ этой размашистости, въ этомъ просторѣ заключается наша жизнь, наша судьба, нашъ характеръ, который, пожалуй, еще болѣе развился отъ нашихъ бывшихъ гонителей и поработителей—татаръ. Это была хорошая школа, хорошій пробный камень для нашей національной твердости. Съ тѣхъ поръ мы далеко подвинулись впередъ. Раздвигая предѣлы нашего отечества, мы въ то же время раздвигаемъ, или сообщаемъ нашу цивилизацію на тѣ окраины, куда устремляемся, и которыя, по своей низшей степени развитія, фактически вредятъ нашему прогресу.

Недавно, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы прошли, томимые жаждой, подъ палящимъ солнцемъ, съ оружіемъ въ рукахъ, страшныя, безводныя, огненныя пустыни средней

Азіи; по этой же дорогѣ другіе наши соотечественники пойдутъ современемъ безъ оружія, и наука обогатится вкладами, какіе внесутъ они, изслѣдовавъ далекія страны, недоступныя въ теченіи тысячелѣтій ни для какого просвѣщеннаго взгляда. Мы говоримъ о походѣ въ среднеазіатскія страны. И вотъ, почти вслѣдъ за этимъ походомъ, уже назначена была ученая экспедиція, главныя задачи которой заключались: въ опредѣленіи количества водъ и степени судоходства рѣки Аму-Дарьи, до границъ Бухары; въ изслѣдованіи сухихъ руслъ, прилегающихъ къ низовьямъ рѣки Аму и направляющихся къ сторонѣ Сыр-Дарьи; въ изысканіи условій высыханія степныхъ водоемовъ и распространенія песковъ въ предѣлахъ нашихъ новыхъ владѣній, въ производствѣ метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденій и въ разныхъ топографическихъ, статистическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ въ Аму-Дарьинскомъ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что никакому цивилизованному государству невозможно ужиться рядомъ съ владѣніями варваровъ, о которыхъ кисть Верещагина наглядно сообщила почти невѣроятныя вещи, изображая картины мѣстнаго изувѣрства и безчеловѣчія; такъ, напримѣръ, на одной изъ картинъ изображена была сцена поднесенія хану, въ видѣ кочней капусты, отрубленныхъ человѣческихъ головъ. Кромѣ того, изъ разсказовъ путешественника Вамбери мы узнаемъ о военноплѣнныхъ, которыхъ приводили голодныхъ, измученныхъ во дворъ хана, и тутъ, молодые изъ нихъ выбирались на рынокъ для продажи, остальныхъ же палачи вѣшали, какъ негодный товаръ, рубили имъ головы, мучили, и народъ издѣвался надъ ихъ агоніей; такъ восьмерыхъ стариковъ положили связанныхъ рядомъ и палачъ вырывалъ имъ глаза, становясь колѣнами на грудь и вытиралъ кровавый ножъ объ ихъ бороды; когда ихъ развязали, народъ

забавлялся, какъ ослѣпленные старики сталкивались и падали. Потребность обуздать этихъ звѣрей сдѣлалась необходимостью, что понимали даже другіе сосѣди среднеазіатскихъ варваровъ—персы, правительство которыхъ въ 1860 г. снаряжало противъ туркменъ экспедицію съ 22 тысячнымъ войскомъ, подъ начальствомъ французскаго офицера Блоквиля. Но эта попытка была крайне неудачна, такъ что самъ Блоквиль попался въ плѣнъ и за него Франція внесла 82,524 фр. выкупа, а армія частію разбѣжалась, частію попалась въ ужасный плѣнъ къ варварамъ. Само собою разумѣется, что подобный несчастный походъ былъ слѣдствіемъ неопытности и совершенъ вѣроятно по незнанію событій, постигшихъ наши русскія экспедиціи. Еще гораздо ранѣе, зоркій взглядъ нашего великаго Петра не могъ не замѣтить, какой вредъ приносятъ эти варварскія страны нашему отечеству, и онъ посылалъ туда для мирныхъ переговоровъ князя Бековича, который былъ однако убитъ со всѣмъ своимъ войскомъ, а голова его переслана въ Бухару, гдѣ ханъ не рѣшился принять этотъ презентъ, ссылаясь на то, что онъ будто бы не людоѣдъ. Затѣмъ въ 1840 г., по повелѣнію Николая I, предпринята была еще экспедиція подъ начальствомъ Перовскаго, которая, по зимнему времени, также была безуспѣшна. Наконецъ, въ царствованіе Александра II, мы стали твердою ногою въ средней Азіи. Водворилъ наше господство въ тѣхъ странахъ генералъ Черняевъ, а окончательно завоевалъ ихъ и организовалъ эту богатую колонію генералъ Кауфманъ.

Константинъ Петровичъ Кауфманъ, сынъ русскаго генерала, по происхожденію изъ дворянской гольштинской фамиліи, родился 19 февраля 1818 г. и воспитывался въ инженерномъ (нынѣ Николаевскомъ) училищѣ, откуда, по окончаніи съ отличнымъ успѣхомъ полнаго курса наукъ, сна-

чала поступилъ на службу въ 1838 г. въ Новогеоргіевскую инженерную команду, потомъ въ Брест-Литовскую, и наконецъ перешелъ уже въ 1843 году въ Закавказскій край, гдѣ имѣлъ случай пріобрѣсти отличную репутацію.

Началомъ его боевой кавказской жизни былъ 1844 годъ, когда Константинъ Петровичъ участвовалъ въ экспедиціи, предпринятой противъ горцевъ со стороны Чечни и Дагестана. Съ этихъ поръ, находясь въ дѣйствующей арміи, въ качествѣ инженера, онъ подвизался на этомъ поприщѣ, производя различныя спеціальныя военныя операціи, подъ градомъ пуль и ядеръ. Въ 1845 году, состоя за адъютанта при начальникѣ главнаго штаба генерал-адъютантѣ Гурко, Кауфманъ былъ раненъ ружейною непріятельскою пулею близъ праваго уха, а въ 1849 г. такая же пуля пронизала насквозь ступню его лѣвой ноги. Изъ многихъ высочайшихъ наградъ, которыми былъ удостоенъ въ это время Константинъ Петровичъ, слѣдуетъ упомянуть о полученной имъ, въ чинѣ полковника, въ 1853 г. золотой саблѣ съ надписью «за храбрость».

Въ 1855 году К. П. Кауфманъ находился въ кавказской арміи, вступившей въ предѣлы Турціи, и участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ подъ Карсомъ, также при взятіи и блокадѣ этой крѣпости. Ноября 15 того же года ему поручено было главнокомандующимъ заключить капитуляцію о сдачѣ крѣпости Карса съ англійскимъ комисаромъ генераломъ Виліамсомъ. Турецкій гарнизонъ этой крѣпости, доведенный до крайности блокадою нашихъ войскъ, предложилъ сдаться на капитуляцію и, по опредѣленіи условій, сдачи, 16 ноября въ 2 часа пополудни, крѣпость Карсъ съ полнымъ вооруженіемъ около 130 орудій до 26 тысячъ ружей, штуцеровъ и карабиновъ, 12 полковыхъ и 18 другихъ частей знаменъ и всѣмъ вообще имуществомъ, сдана намъ.

Турецкій главнокомандующій, десять пашей, англійской службы генералъ Виліамсъ со своимъ штабомъ и весь гарнизонъ крѣпости достались намъ военноплѣнными—въ числѣ почти 20 тысячъ человѣкъ, за исключеніемъ конечно тѣхъ, которые погибли въ бою до сдачи крѣпости, такъ какъ вся анатолійская турецкая армія простиралась до 30 тысячъ.

Въ слѣдующемъ 1856 году, Кауфманъ отправился къ новому назначенію командиромъ гвардіи сапернаго баталіона и, почти въ тоже время, ему поручено было исправлять должность начальника штаба генерал-инспектора по инженерной части. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта императорской военной академіи и конференціи Николаевской инженерной академіи, а въ августѣ произведенъ въ генерал-маіоры и, вскорѣ послѣ того, утвержденъ въ должности начальника штаба. Въ 1858 году Кауфманъ назначенъ состоять въ свитѣ Его Величества, а въ 1861 году опредѣленъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Въ 1862 г. былъ членомъ и управляющимъ дѣлами комитета организаціи войскъ и участвовалъ въ военномъ совѣтѣ; въ слѣдующемъ же 1863 г. удостоенъ былъ особаго знака для ношенія на груди, въ память успѣшнаго введенія въ дѣйствіе положенія 19-го февраля. Въ 1864 года декабря 6-го назначенъ генерал-адъютантомъ, а въ слѣдующемъ 1865 году виленскимъ, ковенскимъ, гродненскимъ и минскимъ генерал-губернаторомъ, главнымъ начальникомъ Витебской и Могилевской губерній и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Въ этотъ періодъ времени, т. е. съ 1857 по 1865 годъ, генералъ Кауфманъ былъ командированъ въ разное время: на югъ Россіи для соображеній объ укрѣпленіи Керченскаго пролива, въ южный инженерный округъ, въ Варшаву, Вильно, Москву, Казань, Ригу и на 10 мѣсяцевъ за границу съ ученою цѣлію.

Наконецъ, для Константина Петровича послѣдовало не менѣе важное и счастливое назначеніе быть туркестанскимъ генерал-губернаторомъ и командующимъ войсками этого округа, гдѣ онъ въ 1868 году, лично командуя войсками, выступилъ изъ укрѣпленія Джузака и слѣдовалъ на Яны-Курганъ и Таш-Купрюкъ къ Самарканду. И тутъ, на другой-же день, войска наши, штурмуя высоты, перейдя рѣку Зарявшанъ по грудь въ водѣ, атаковали бухарцевъ такъ стремительно, что войска ихъ обратились въ бѣгство и оставили въ нашихъ рукахъ 21 орудіе и весь лагерь. На слѣдующій день городъ Самаркандъ сдался безъ выстрѣла. Затѣмъ войска наши безъ боя заняли Катты-Курганъ, гдѣ имѣли незначительную перестрѣлку съ шайкой Садыка. Но черезъ пять дней непріятель напалъ на самаркандскіе сады, откуда его пришлось выбить, и занялъ, въ числѣ 6-ти тысячъ сарбазовъ, 15 тысячъ конницы при 14-ти легкихъ орудіяхъ, сильную позицію на зерабулакскихъ высотахъ. Войска наши, предводительствуемыя Кауфманомъ, раздѣленныя на двѣ колоны, атаковали непріятеля, и при первомъ натискѣ, его артилерія снялась съ позиціи и скрылась; пѣхота непріятеля, потерявъ почти половину людей въ кровавомъ бою, отброшена отъ дороги въ степь, конница, не нанеся намъ вреда, бѣжала съ поля битвы. Въ это время возмутившіеся жители страны осадили нашъ слабый гарнизонъ въ Самаркандской цитадели, куда войска должны были поспѣшить и удержать крѣпость въ своихъ рукахъ, что и было ими исполнено съ отличнымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ бухарскій эмиръ, доведенный успѣхами нашего оружія до крайности, вынужденъ былъ заключить съ нами миръ 23-го іюня 1868 года. Этимъ заключилась кампанія и генералъ Кауфманъ возвратился въ Ташкентъ. За такіе успѣхи на военномъ поприщѣ Константинъ Петровичъ пожалованъ

орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами, и въ память покоренія города повелѣно начертать на бѣлой мраморной доскѣ главнаго инженернаго училища имя его, съ присовокупленіемъ надписи «1868 годъ. Самаркандъ».

Осчастливленный милостями Государя, похвалами и сочувствіемъ русскаго общества, также любовью сослуживцевъ и подчиненныхъ, Константинъ Петровичъ не переставалъ заботиться объ успѣшномъ водвореніи порядка и нашего владычества въ Средней Азіи. Когда рѣшена была война съ Хивой, Кауфманъ самъ повелъ изъ Ташкента свой отрядъ черезъ ту ужасную безводную степь, въ которой погибъ отрядъ Перовскаго. Не смотря на безводіе и палящій зной, бодро двигался впередъ отрядъ нашъ въ невѣдомой пустынѣ, пока наконецъ достигъ Хивы, гдѣ устрашенный ханъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ сначала бѣжалъ къ іомудамъ, но потомъ поспѣшилъ заключить договоръ и отдалъ себя въ полное распоряженіе Бѣлаго Царя. Россія могла-бы взять всю Хиву, но по нѣкоторымъ соображеніямъ удовлетворилась незначительной частью ея, для округленія границъ. Чтобы дать понятіе объ этомъ походѣ, мы приведемъ описаніе бѣдствій испытанныхъ нашими храбрыми мужественными войсками. «Палящій зной, говоритъ одинъ участникъ этого похода, сжигалъ кожу, вѣтеръ изсушалъ ее, руки и ноги отказывались двигаться, но магическое слово: близко колодезь! поддерживало людей. Ни платье, ни палатки не защищали отъ урагана песку, навѣвавшаго еще большій зной и удушье, вмѣсто прохлады. Бодро переносили всѣ эти невзгоды наши солдаты и вечеромъ въ лагерѣ, безъ ропота, пили воду, которую часто можно было пить только зажавши носъ. Иногда черная вонючая жидкость подъ названіемъ воды, въ которой извивались тысячи разныхъ насѣкомыхъ, казалась неоцѣненной, хотя вкусъ этого соленаго напитка менѣе всего

напоминалъ воду.» Отдѣльные эпизоды этого похода представляли дѣйствительно ужасную картину бѣдствій нашего войска, и жизнь цѣлаго отряда иногда висѣла на волоскѣ. Такъ, въ томъ же описаніи мы встрѣчаемъ слѣдующее: «27-го апрѣля 1874 года отрядъ полковника Ламакина пришелъ на колодезь Коль-Киниръ, но этотъ колодезь оказался до того глубокимъ, что всѣ веревки въ отрядѣ не могли достать дна; несмотря на то, что къ нимъ привязали возжи, ни люди, ни лошади не достали ни одной капли воды, и на утро, не освѣжившись, выступили подъ сорокаградуснымъ жаромъ. Лошади падали отъ изнеможенія, люди отуманенные, близкіе къ безсознательности, еле держались въ сѣдлѣ. Всѣ начали терять надежду на спасеніе, потому что ближайшій колодезь Альпай-Масъ былъ въ разстояніи четырехъ часовъ пути. Это пространство казалось недоступнымъ для ослабленныхъ жаждой людей. Скомандовали на остановку; безсильно и равнодушно ожидая смерти, спустились люди и лошади на землю, не покрываемые ни одной вѣткой отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Кругомъ песокъ, и одинъ песокъ; ни одно растеніе, ни одно насѣкомое не оживляли эту раскаленную мѣстность. Гибель сдѣлалась для всѣхъ очевидною. Съ спокойной рѣшимостью ожидали люди послѣднихъ минутъ. Вдругъ вдали, въ облакѣ песчаной пыли показались двѣ фигуры въ галопъ приближавшихся киргизовъ. Вода! вода! раздалось по всему лагерю, близко колодезь! Поддерживаемый надеждой отрядъ быстро поднялся.» «Борьба съ людьми въ этой странѣ, продолжаетъ разсказщикъ, представляетъ гораздо менѣе опасности для европейца, съ его усовершенствованнымъ оружіемъ и знаніемъ военнаго дѣла. Вездѣ сопротивленіе оказалось слабымъ, непріятель старался только подкрадываться, нападать въ расплохъ сзади и отрѣзывать у раненыхъ головы, увозя ихъ какъ трофеи.

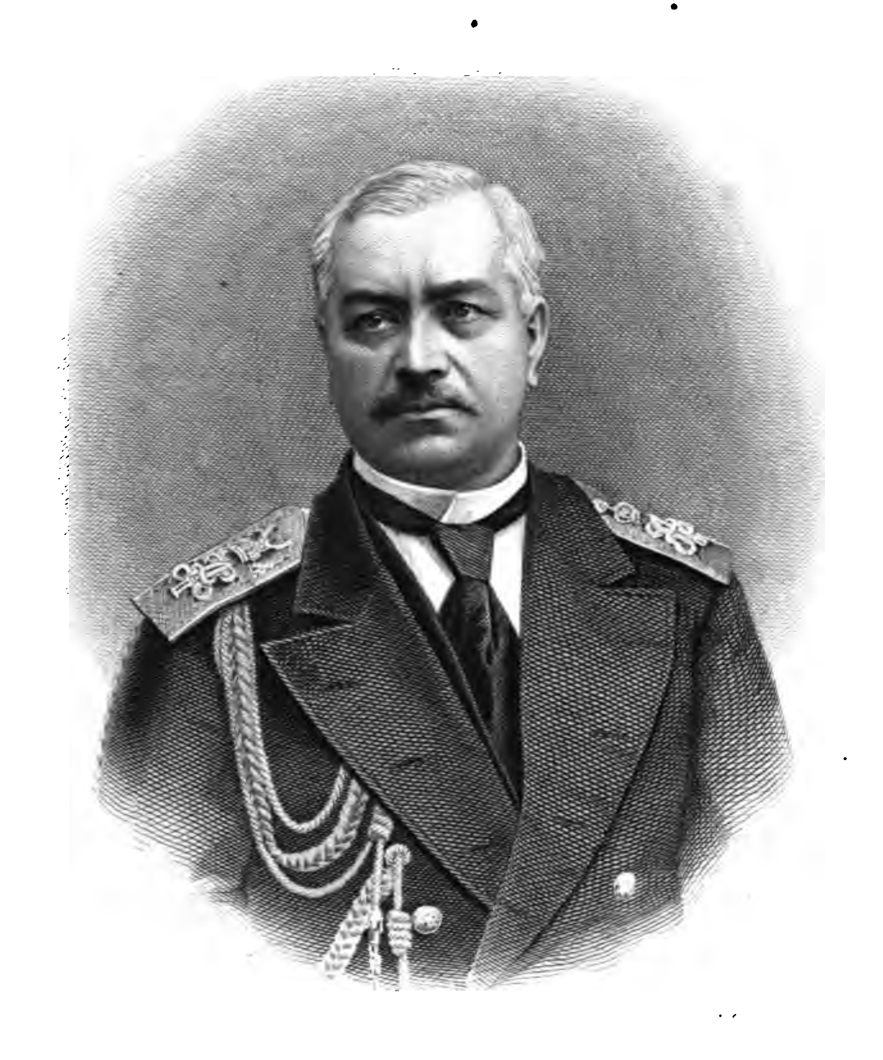
Серьезное сопротивленіе было противупоставлено только при осадѣ города Хивы, сѣверныя ворота которой должно было бомбардировать и штурмовать.»

Вотъ въ какой странѣ и при какихъ климатическихъ условіяхъ пришлось русскому человѣку водворять свое знамя во имя цивилизаціи. Честь и слава предводителямъ храбрыхъ, неутомимыхъ дружинъ, честь и слава главнокомандующему, который съ такимъ успѣхомъ начальствуетъ и теперь этимъ побѣдоноснымъ войскомъ. Цѣль правительства и русскаго общества достигается съ каждымъ шагомъ, при каждомъ новомъ столкновеніи съ варварами. Послѣ покоренія Хивы почти весь средне-азіатскій край волей-неволей долженъ былъ признать нашъ авторитетъ и покорною головою преклониться предъ нашимъ могуществомъ. Правда, нѣкоторая часть дикихъ племенъ и до нашего времени проявляетъ враждебныя дѣйствія, но всѣ ихъ попытки отразить наше вліяніе ни къ чему не служатъ: ни туркмены, ни коканцы, ни каракалпаки не могли противустоять русскому оружію—они были разбиты и, вѣроятно, въ скоромъ времени отбросятъ всякое желаніе сопротивляться, и будутъ жить подъ вліяніемъ правильной организаціи. Нельзя сказать, чтобъ край этотъ былъ окончательно умиротворенъ; но чего не можетъ сдѣлать армія съ такимъ предводителемъ. К. П. Кауфманъ доказалъ это блистательнымъ и быстрымъ занятіемъ въ нынѣшнемъ году Кокана и другихъ важнѣйшихъ городовъ Коканскаго ханства, разбитіемъ полчищъ коканцевъ, возставшихъ противъ своего хана и нашей власти, и усмиреніемъ смутъ въ ханствѣ. Слѣдствіемъ этихъ послѣднихъ, недавнихъ побѣдъ было, какъ извѣстно, присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ богатой, плодородной Ферганской области.

Серьез
оса
бом

усл
во
ры
дук
тег
ств
при
пов
вол
гол
нѣ
ляе
на
ка
ору
мен
жи
что
не
Ка
тіе
гор
во
ре
не
на

IV.

Андрей Александровичъ Поповъ.

Съ незапамятной древности человѣкъ пользовался силою воды поднимать плавучія тѣла, и самъ помѣщаясь на этихъ тѣлахъ, передвигался отъ одного пункта къ другому, вслѣдствіе чего вода перестала быть для него недоступной стихіей,—она не могла отдѣлить его отъ другихъ материковъ, не могла сковать его дѣятельность въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ. Сначала лучшимъ плавучимъ тѣломъ почиталось дерево, изъ котораго люди устроивали всевозможныя перевозныя средства, подъ видомъ плотовъ, челноковъ и ковчеговъ. Но могъ-ли кто-либо въ древности предполагать, что, кромѣ дерева, найдется еще другой, почти противуположный ему, матеріалъ, изъ котораго будутъ сооружать эти плоты, челноки и ковчеги, могъ-ли кто тогда думать, что мы употребимъ для этой цѣли желѣзо? Точно также въ древности, когда карѳагенянами, въ 786 году до Р. Х., сооруженъ былъ флотъ изъ галеръ, а въ 780 г. коринѳянами изобрѣтены корабли триремы, которые всѣ, само собою разумѣется, имѣли продолговатую съ-носу заостренную форму, можно ли было предполагать тогда, что въ наше время, вмѣсто этихъ продолговатыхъ кораблей, явятся корабли совершенно круглые? Такіе противоположные элементы, какъ дерево и желѣзо, продолговатое и круглое тѣло, очевидно должны были

имѣть свое спеціальное примѣненіе и служить различнымъ цѣлямъ, но умъ человѣка приспособилъ ихъ почти къ однороднымъ потребностямъ, такъ что въ настоящее время мы, вопреки нашимъ предкамъ, плаваемъ не на деревянныхъ корабляхъ, а на желѣзныхъ, и даже вмѣсто продолговатой ихъ формы иногда употребляемъ совершенно круглую конструкцію. Конечно, для такихъ гигантскихъ шаговъ, или лучше сказать переворотовъ въ дѣлѣ кораблестроенія, должны заключаться разумныя причины. Причиною замѣны дерева желѣзомъ является наибольшая его прочность отъ внѣшнихъ вліяній, а употребленіемъ круглыхъ судовъ достигается наибольшая ихъ способность нести на наименьшей глубинѣ данную тяжесть за наименьшую цѣну. Но всѣ эти шаги, или перевороты въ дѣлѣ кораблестроенія подготовляются конечно постепенно, и нужно много усилій, много труда, много опытовъ, чтобы наконецъ такой переворотъ могъ быть признанъ совершившимся. Такъ было при сооруженіи желѣзныхъ кораблей, то-же происходитъ нынѣ и при изобрѣтеніи кораблей круглыхъ.

Не распространяясь объ исторіи сооруженія желѣзныхъ, или обшитыхъ бронею кораблей, скажемъ нѣсколько словъ о формѣ или конструкціи ихъ, которая постепенно измѣнялась, до тѣхъ поръ пока наконецъ выработался типъ судовъ совершенно круглыхъ. Со времени введенія бронеобшивки кораблей, вообще формы и конструкціи ихъ въ разныхъ странахъ постоянно видоизмѣнялись. Во французскомъ и англійскомъ флотахъ во время крымской войны появились у Кинбурна сначала плавучія бронеобшитыя батареи. Затѣмъ стали строить корабли, обшитые бронею на половину, по образцу «Глуаръ» и «Варріера»; корабли образца Варріера были длинными узкими судами, болѣе имѣвшими сходства съ изящными трансатлантическими пароходами, нежели съ военными судами. Затѣмъ появились еще болѣе длинные, вполнѣ обшитые

броней корабли, по образцу «Минотавра», до 400 фут. длины, и болѣе. Послѣ того уже стали входить въ употребленіе укороченные броненосцы извѣстнаго англійскаго кораблестроителя Рида по образцу «Беллерофона» и «Геркулеса», причемъ видъ ихъ измѣнялся весьма разнообразно. По временамъ также появлялись короткіе башенные суда, какъ для береговой защиты, такъ и для морскаго плаванія. Но среди всѣхъ этихъ видоизмѣненій кораблестроенія, весьма ясно проглядываетъ одинъ принципъ, именно: принципъ постояннаго увеличенія ширины судна насчетъ его длины, такъ что круглая форма почти постепенно подготовлялась. Послѣднія первокласныя англійскія суда: «Инфлексибль» и «Аяксъ» подтверждаютъ это вполнѣ, будучи чрезвычайно коротки при значительной ширинѣ. Наконецъ, крайнее воплощеніе идеи укороченія судна явилось у насъ въ Россіи, подъ видомъ совершенно круглыхъ броненосцевъ. Честь изобрѣтенія этихъ судовъ хотя и оспаривается другими націями, у которыхъ также возникла эта мысль, но разница заключается въ томъ, что такъ или иначе мы воплотили эту мысль, съ большимъ видоизмѣненіемъ, а именно: у иностранцовъ круглая ватерлинія соединялась съ круглымъ поперечнымъ разрѣзомъ, отчего судно сидитъ весьма глубоко, тогда какъ у насъ круглое очертаніе принадлежитъ только ватерлиніи, а поперечный разрѣзъ представляетъ плоское дно, соединенное съ сторонами дугообразными арками, причемъ судно можетъ поднимать броню, орудія, машину и всѣ принадлежности на незначительной глубинѣ; однимъ словомъ эти суда наши мы должны причислить къ типу круглыхъ-плоскодонныхъ. Борта кораблей весьма не высоки, не болѣе 18 дюймовъ поверхъ воды, но декъ, имѣя сто футовъ въ діаметрѣ, значительно выпуклъ, такъ что въ центрѣ возвышеніе достигаетъ 5 — 6 футовъ. Надъ палубой воздвигнута цѣлая масса построекъ для каютъ и т. п., а въ

срединѣ помѣщается бронеобшитая башня, съ двумя орудіями значительнаго калибра. Эти орудія, двигаясь на оси вмѣстѣ съ башнею, описываютъ полный кругъ при помощи весьма простого механизма. Каждое орудіе вѣситъ на «Новгородѣ» по 28 тоннъ, т. е. около 1700 пудовъ, а на «Адмиралѣ Поповѣ»—$41^1/_2$ тонну, т. е. около 2500 пудовъ. Броня «Новгорода» состоитъ изъ 11-ти дюймовыхъ плитъ, а броня «Попова» изъ плитъ толщиною въ сложности 18 дюймовъ. Корабль приводится въ движеніе шестью винтами, укрѣпленными на особыхъ паралельныхъ между собою осяхъ, съ помощью отдѣльныхъ механизмовъ для каждаго; подъ дномъ судна имѣется значительное число паралельныхъ килей. Итакъ, почти черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ одна изъ нашихъ деревянныхъ плавучихъ батарей, подъ командою капитана Веревкина, въ 1787 г. выдержала ночью у Очакова огонь 60 непріятельскихъ судовъ,— теперь у насъ создаются плавучія желѣзныя, почти неуязвимыя для ядеръ круглыя цитадели—поповки. Честь изобрѣтенія этихъ подвижныхъ морскихъ крѣпостей принадлежитъ нашему коренному русскому адмиралу-строителю А. А. Попову, что крайне утѣшительно, потому что до послѣдняго времени всѣ военныя и морскія изобрѣтенія доходили къ намъ только съ запада.

Генерал-адъютантъ вице-адмиралъ Андрей Александровичъ Поповъ родился 22 сентября 1821 года въ Петербургѣ, и на 9 году поступилъ въ Александровскій кадетскій корпусъ, откуда черезъ годъ переведенъ въ Морской корпусъ. На семнадцатомъ году произведенъ въ мичманы и поступилъ на службу въ Черное море въ 32-й флотскій экипажъ, гдѣ и оставался до крымской войны. Въ 1853 г. онъ получилъ важное порученіе въ Константинополь, для собранія свѣденій о вооруженіи Босфора и прилегающихъ къ нему укрѣпленныхъ мѣстъ на Черномъ морѣ. Въ сентябрѣ того-же года опять

былъ командированъ въ Турцію для собранія свѣденій о вооруженіи Босфора и укрѣпленныхъ мѣстъ по западному берегу Чернаго моря и по Дунаю до Рущука. Вообще въ 1853 и 1854 годахъ находился въ крейсерствахъ по Черному морю на пароходахъ: Крымъ, Эльборусъ, Турокъ и Андія; въ это время онъ взялъ и уничтожилъ шесть купеческихъ непріятельскихъ судовъ, а съ пароходомъ Тамань прорвался изъ Севастополя сквозь блокаду 6 сентября 1854 г. и, уничтоживъ одно турецкое судно, прибылъ въ Одессу, а потомъ въ Николаевъ. Оставивъ тамъ пароходъ «Тамань», онъ тотчасъ-же отправился въ Севастополь, гдѣ и находился съ 15 сентября 1854 г. по 14 іюля 1855 года.

Въ этотъ періодъ времени А. А. Поповъ состоялъ при вице-адмиралѣ Корниловѣ и адмиралѣ Нахимовѣ для исполненія разныхъ порученій, въ томъ числѣ устроилъ бонъ для преграждения непріятелю входа на Севастопольскій рейдъ, снарядилъ два брандера, устроилъ пристани и приспособилъ пароходы для перевоза войскъ съ артилеріею и лошадьми съ сѣверной стороны севастопольской бухты на южную и обратно; а потомъ завѣдывалъ артилерійскимъ снабженіемъ всей оборонительной линіи, отъ морского вѣдомства, т. е. приспособилъ морскую артилерію съ потопленныхъ кораблей къ сухопутнымъ укрѣпленіямъ. Странная игра судьбы: тотъ кто нынѣ сооружаетъ желѣзныя суда русскаго флота — въ Севастополѣ, по волѣ обстоятельствъ, содѣйствовалъ потопленію ветхихъ деревянныхъ кораблей, ветерановъ черноморскаго флота!

Съ театра войны въ Крыму, А. А. Поповъ 20-го іюля 1855 г., назначенный флигель-адъютантомъ, командированъ былъ въ Кронштадтъ, на Лисій Носъ, въ Выборгъ, Свеаборгъ и Або для сообщенія командующимъ на батареяхъ морскимъ чинамъ полезныхъ соображеній, извлеченныхъ изъ

опытности, пріобрѣтенной въ Севастополѣ, а 26-го августа того же года его снова командировали на Донъ для укрѣпленія устья рѣки. Въ концѣ того же 1855 года, возложена на А. А. Попова постройка и вооруженіе шести винтовыхъ клиперовъ въ Архангельскѣ; въ то же время онъ былъ назначенъ командующимъ 32-мъ экипажемъ. Окончивъ постройку клиперовъ, съ іюля по 30 ноября 1856 г. совершалъ на нихъ плаваніе по Бѣлому морю, въ званіи начальника отряда, а потомъ на клиперѣ Опричникъ отправился изъ Архангельска до Копенгагена и изъ этого города былъ вызванъ берегомъ въ Петербургъ, гдѣ поручено было ему изготовленіе четырнадцати винтовыхъ корветовъ и шести клиперовъ. Въ декабрѣ онъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ кораблестроительнаго техническаго комитета и начальникомъ штаба всѣхъ винтовыхъ корветовъ и клиперовъ. Съ 1858 по 1860 годъ А. А. Поповъ начальствовалъ эскадрой въ Тихомъ океанѣ, а въ 1861 году былъ произведенъ въ контр-адмиралы и назначенъ въ свиту Его Величества. По возвращеніи изъ Тихаго океана былъ командированъ въ Англію для обзора новѣйшихъ приспособленій артилеріи, а въ 1862 г. снова командовалъ эскадрою въ Тихомъ океанѣ, и въ 1865 году опять былъ посланъ заграницу съ ученою цѣлію. Въ 1866 году А. А. Попову было поручено производить опыты надъ подводною лодкою г. Александровскаго, и въ тоже время, заняться разработкою вопроса о приспособленіи минъ на судахъ и составленіемъ проэкта корабля «Петръ Великій», къ постройкѣ котораго было приступлено въ 1868 году. Корабль этотъ только теперь оконченъ и, несмотря на такую продолжительную постройку, все-таки можетъ служить доказательствомъ практическаго осуществленія задуманныхъ Поповымъ идей. Въ настоящую минуту «Петръ Великій», самое сильное судно—въ боевой готовности.

Въ это-же время онъ осуществилъ на практикѣ, съ полнымъ успѣхомъ, способъ подъема затонувшихъ судовъ воздухоподъемными мѣшками.

Въ 1869 году А. А. Поповъ составилъ проэкты корветовъ «Генерал-Адміралъ и Герцогъ Эдинбургскій», съ бронею по ватер-линіи; основная идея этихъ судовъ только теперь начинаетъ оцѣниваться за границею.

Въ 1870 году А. А. Попову было повелѣно принять участіе въ обсужденіи вопроса о защитѣ портовъ Чернаго моря. Результатомъ этихъ занятій были тѣ самыя круглыя суда, которыя создали цѣлую литературу какъ у насъ, такъ и за границею, съ тою только разницею, что у насъ иногда выражались насмѣшки и презрѣніе къ нимъ, а въ Англіи, гдѣ въ особенности обсуждался вопросъ о круглыхъ судахъ, отдана должная справедливость всѣмъ качествамъ этого типа и только нѣкоторыми выражено сомнѣніе въ скорости ихъ хода. Всѣ иллюстрированные журналы воспроизвели рисунки круглыхъ судовъ и портреты, или біографіи ихъ автора.

Въ 1871 году А. А. Поповъ удостоился званія генерал-адъютанта, затѣмъ произведенъ въ вице-адмиралы; а по изготовленіи перваго круглаго судна поповки «Новгородъ», получилъ 50.000 руб.

Во многихъ путешествіяхъ, которыя предпринималъ Генерал-Адмиралъ, съ научною цѣлью, какъ напримѣръ, по Волгѣ, Каспійскому морю, къ минеральному басейну Донецкаго края, въ Англію и т. п., А. А. Поповъ удостоивался назначенія сопутствовать Его Высочеству. Во время бракосочетанія Герцога Эдинбургскаго съ Великой Княгиней Маріей Александровной, А. А. Поповъ удостоился особаго довѣрія Государя, порученіемъ состоять при Его Королевскомъ Высочествѣ. Въ нынѣшнемъ году А. А. Поповъ украшенъ орденомъ Бѣлаго Орла и назначенъ членомъ адмиралтейств-со-

вѣта, съ оставленіемъ въ званіи члена кораблестроительнаго отдѣленія морского техническаго комитета, которое онъ носилъ съ такою честью около 20 лѣтъ.

Наконецъ, А. А. Поповъ, по возвращеніи изъ послѣдней поѣздки въ Англію, разработалъ еще новый проэктъ клиперовъ, подобныхъ «Крейсеру», на основаніи недавно испытанной въ Англіи системы. У этихъ новыхъ клиперовъ не будетъ наружной желѣзной обшивки, какъ на «Крейсерѣ», а только одна деревянная, на желѣзныхъ шпангоутахъ. Клиперъ, построенный по этой системѣ, будетъ значительно легче «Крейсера» и дешевле его почти на 100.000 рублей. Такихъ клиперовъ предполагается построить четыре.

Всѣ эти данныя служебной карьеры А. А. Попова свидѣтельствуютъ о его неутомимой дѣятельности, какъ моряка, въ строгомъ смыслѣ слова, такъ и моряка-строителя. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ его способности были замѣчены и оцѣнены, начиная отъ пятидесятыхъ годовъ, мы видимъ адмирала среди самыхъ разнообразныхъ трудовъ и въ постоянномъ движеніи: то плавающимъ по волнамъ одного моря, то начальствующимъ эскадрою въ другомъ морѣ, то въ мастерскихъ, на элингахъ строющихся кораблей, какъ въ отечественныхъ портахъ, такъ и за границей, то на совѣщаніяхъ техническаго комитета, или въ кабинетѣ ученыхъ. Нельзя не отдать чести моряку, который, кромѣ спеціальныхъ кабинетныхъ занятій по технической части, еще находился въ постоянныхъ походахъ и плавалъ чуть-ли не во всѣхъ моряхъ. Такая оживленная и полезная служебная дѣятельность быть можетъ и была поводомъ къ близкому ознакомленію А. А. Попова съ нуждами и потребностями русскаго кораблестроенія. Понятно, что никакая теорія безъ практики не можетъ быть полезна ни въ какомъ дѣлѣ; тогда какъ обширная практика иногда

сама собою выработываетъ теоретическія данныя. Это счастливое совпаденіе условій всякого изобрѣтенія и доставило А. А. Попову такую почетную извѣстность въ дѣлѣ судостроенія, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границей. Нужно-ли говорить о томъ, что его труды по части изобрѣтеній встрѣтили у насъ въ Россіи крайне недоброжелательную полемику со стороны нѣкоторыхъ лицъ? Мы полагаемъ, что безъ этого и быть не могло. Всякая новая мысль и новое слово естественно должны встрѣтить возраженія, порицанія и всякія противудѣйствія, уже потому только, что они смѣло высказаны и исполнены. Въ каждомъ обществѣ, каждое знаніе имѣетъ свои традиціи, свои укоренившіяся понятія, нарушать или колебать которыя не такъ легко; ихъ сторожатъ приверженцы рутины, неподвижности, наконецъ просто люди завистливые, враждебно относящіеся ко всякому новому шагу въ дѣлѣ науки, или искуства. Примѣры такому безпощадному и ожесточенному антагонизму не новы, они постоянно повторяются при каждомъ поворотѣ и развитіи человѣческаго ума. Вотъ почему странно было-бы придавать особенное значеніе какому-либо взрыву полемики и терять вѣру въ то, что ново, что еще не извѣдано, чему еще предстоитъ будущая оцѣнка и долговременный опытъ.

V.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Ректоръ московскаго университета, заслуженный професоръ по каѳедрѣ русской исторіи, членъ академіи наукъ, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ началъ свое ученое поприще въ 1845 году, дисертаціей «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». Въ этомъ году, не болѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ признанъ магистромъ и утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта. Въ слѣдующія затѣмъ пять лѣтъ получилъ онъ за дисертацію «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома» званіе доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики и былъ утвержденъ ординарнымъ професоромъ.

Еще будучи ученикомъ первой московской гимназіи,— куда онъ поступилъ на тринадцатомъ году въ третій класъ, получивъ предварительно весьма тщательное домашнее образованіе, Сергѣй Михайловичъ обнаруживалъ любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ. Командированный по окончаніи университетскаго курса въ 1842 году за границу, Сергѣй Михайловичъ имѣлъ случай прослушать курсъ у Раумера, Шлоссера и др.

Съ 1850 года приступилъ онъ къ изданію «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», первый томъ которой вышелъ въ 1851 году. Этотъ громадный трудъ продолжается

и по настоящее время; въ прошломъ 1875 году вышелъ 25-й томъ «Исторіи Россіи», и двадцати-пятилѣтній юбилей ея былъ отпразднованъ въ стѣнахъ почти всѣхъ русскихъ университетовъ.

Издавая «Исторію Россіи», авторъ ея помѣщалъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ изслѣдованія свои, касавшіяся различныхъ эпохъ и событій русской исторіи, а также статьи, объяснявшія взглядъ его на значеніе и методы исторіографіи. Эти статьи служили какъ бы подготовкой матеріала для главнаго его труда.

Еще до напечатанія перваго тома «Исторіи Россіи», Сергѣй Михайловичъ помѣстилъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ статьи: «О смутномъ времени» и «О Малороссіи». Затѣмъ, издавая уже «Исторію Россіи», напечаталъ онъ:

1) Обзоръ царствованія Михаила Ѳеодоровича; 2) Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ; 3) Изслѣдованія о мѣстничествѣ; 4) Очеркъ исторіи Малороссіи; 5) О княжескихъ отношеніяхъ западныхъ славянъ; 6) Біографію Г. Ф. Миллера; 7) Обозрѣніе трудовъ русскихъ историческихъ писателей XVIII вѣка; 8) Географическія свѣдѣнія о древней Россіи; 9) Взглядъ на исторію установленій государственнаго порядка въ Россіи; 10) Разборъ исторіи государства россійскаго—Карамзина и 11) Исторія паденія Польши. Потребность русской школы и нужды народнаго просвѣщенія обращали на себя также вниманіе Сергѣя Михайловича; такъ для средне-учебныхъ нашихъ заведеній онъ издалъ учебную книгу русской исторіи, выдержавшую уже семь изданій. Для народа изданы имъ въ 1874 г. общедоступныя чтенія по русской исторіи, — этимъ изданіемъ Сергѣй Михайловичъ какъ бы отвѣтилъ на приглашеніе

московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, устроившаго при московскомъ музеѣ прикладныхъ знаній народныя чтенія съ нагляднымъ объясненіемъ ихъ при помощи картинъ волшебнаго фонаря. Въ общедоступныхъ чтеніяхъ закончилъ Сергѣй Михайловичъ повѣствованіе 1850 годомъ, т. е. остановившись на событіяхъ послѣднихъ годовъ предъидущаго царствованія.

Съ тою же цѣлью были имъ составлены публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ, изданныя тѣмъ же обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Кромѣ исчисленныхъ выше трудовъ Сергѣя Михайловича, слѣдуетъ упомянуть еще о курсѣ новой исторіи, изданной имъ, въ двухъ частяхъ.

Въ своемъ громадномъ трудѣ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», авторъ ставитъ себѣ задачу, одна попытка разрѣшить которую въ систематическомъ изложеніи должна уже составить заслугу ученаго исторіографа.

Задача эта состоитъ въ разъясненіи связи между отдѣльными періодами нашей исторіи и въ объясненіи государственныхъ событій перемѣнами бытовыхъ условій народной жизни. Задача не новая, унаслѣдованная нашими историками еще отъ Николая Полевого, который пытался создать «Исторію русскаго народа», но опытъ котораго вышелъ не вполнѣ удачнымъ, вслѣдствіе многихъ причинъ, изъ которыхъ главными, безъ сомнѣнія, были съ одной стороны недостатокъ въ предварительной подготовкѣ матеріаловъ, а съ другой отсутствіе въ самомъ авторѣ особаго для подобнаго труда таланта и свѣдѣній. За эту задачу брались позднѣйшіе историки: Константинъ Аксаковъ, Кавелинъ, Калачовъ, Бѣляевъ, Иловайскій, Костомаровъ и др., при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и подготовили отчасти тотъ матеріалъ, которымъ могъ воспользоваться авторъ си-

стематическаго изложенія русской исторіи, какимъ является въ нашей литературѣ С. М. Соловьевъ.

Вотъ какъ выяснилъ основную мысль своего труда самъ Сергѣй Михайловичъ въ предисловіи къ «Исторіи Россіи» (т. I, стр. 1):

«Не дѣлить, не дробить русскую исторію въ отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ взаимнодѣйствіе, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію—вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда »

Нѣтъ никакого сомнѣнія, задача, поставленная авторомъ «Исторіи Россіи», не можетъ считаться достигнутою его трудомъ вполнѣ. Тѣмъ не менѣе, его заслуга въ исторической литературѣ громадна, такъ какъ въ трудѣ его не только мы видимъ результаты научной дѣятельности нашихъ историковъ послѣ-Карамзинской эпохи, но и множество въ высшей степени удачныхъ оригинальныхъ изслѣдованій и своеобразныхъ, отличающихся глубиною и трезвостью мысли взглядовъ.

Укажемъ только на изслѣдованіе русскихъ лѣтописей (въ III т. Ист. Р.), на изслѣдованіе удѣльнаго періода (т. IV), дѣятельности Ивана Калиты, Іоанновъ III и IV, на дѣятельность Петра Великаго, на отношенія родового начала къ общинѣ и т. п.

Професоръ петербургскаго университета, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, объясняя заслуги Сергѣя Михайловича, говоритъ: «Удѣльный періодъ казался прежде безсмысленнымъ, безсвязнымъ; въ немъ ничего не видѣли, кромѣ ряда

утомительныхъ для памяти драмъ, вызванныхъ слабостью князей, раздѣлившихъ свои владѣнія на удѣлы. Историкъ ввелъ въ него руководящую мысль: періодъ этотъ явился необходимымъ плодомъ извѣстнаго состоянія, выраженіемъ извѣстнаго начала. До Соловьева, время отъ смерти Василія Костромскаго до Ивана Калиты казалось, по выраженію Карамзина, «темнымъ лѣсомъ». Соловьевъ умѣлъ найти свѣтъ въ этой тьмѣ, объяснить условія, при которыхъ выдвинулось московское княжество; онъ умѣлъ привести въ связь дѣятельность московскихъ князей съ дѣятельностью князей владиміро-суздальскихъ: Калиту и Донскаго съ Боголюбскимъ и Всеволодомъ Большимъ Гнѣздомъ. Дѣятельность Іоанна III явилась у него въ связи съ дѣятельностью его предшественниковъ; Іоаннъ IV пересталъ казаться чудовищемъ. Смутное время приведено въ связь съ предъидущимъ: указаны въ немъ попытки къ преобладанію тѣхъ элементовъ, которые были подавлены дѣятельностью московскихъ князей, указанъ и элементъ, давшій побѣду порядку. Дѣятельность первыхъ Романовыхъ приведена въ связь съ дѣятельностью Петра, которая такимъ образомъ сдѣлалась понятною и поставлена впервые въ свою законную историческую обстановку. Въ дѣятельности правительства и въ жизни общества отъ Петра до Екатерины видна уже почва для дѣятельности Екатерины.»

По поводу дѣятельности Петра Великаго, Сергѣй Михайловичъ въ своей «Исторіи Россіи» замѣчаетъ: «Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, неимѣющею никакого отношенія къ своему вѣку и къ своему народу, народъ отно-

сится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей. Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ... При движеніяхъ и перемѣнахъ, при переходѣ народа изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую услугу; они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ и силою своей воли побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое предъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Заслуга этихъ людей вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими. Такимъ образомъ, великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, онъ высоко поднимается какъ представитель своего народа, какъ носитель и выразитель народной мысли.»

Далѣе говоритъ С. М. Соловьевъ:

«Долго относились у насъ къ дѣлу Петра не исторически, какъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ этому дѣлу, такъ и въ порицаніи его. Поэты позволяли себѣ воспѣвать: «Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія». Но и въ рѣчи болѣе спокойной, непоэтической, подобный взглядъ господствовалъ; приведеніе Петромъ Россіи отъ небытія къ бытію—было общеупотребительнымъ выраженіемъ. Взглядъ такой нельзя признать историческимъ, потому что здѣсь дѣятельность одного историческаго лица отрывалась отъ исторической дѣятельности цѣлаго народа: въ жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, дѣйствовавшая по своему произволу... Люди, которые обнаружили несочувствіе къ

дѣлу Петра, вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону. Россія, по одному взгляду, не только не находилась въ небытіи до Петра, но наслаждалась бытіемъ правильнымъ и высокимъ, все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное теченіе рутинной жизни, уничтоживъ ея народный свободный строй, попралъ народные нравы и обычаи, произвелъ рознь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чуждому образу и подобію, заставилъ русскихъ людей потерять сознаніе о своемъ и своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся по извѣстнымъ законамъ, при вліяніи особенныхъ условій, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другого. Понятно, что оба взгляда не могутъ держаться при возмужалости науки..., когда убѣдились, что всякое явленіе есть необходимый результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, по величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго капитала... отъ соединенія труда и способностей знаменитыхъ дѣятелей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни. Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка...»

Таковы взгляды нашего историка на жизнь русскаго народа. Трудно однако опредѣлить, насколько выводы его непогрѣшимы: но сравнивая ихъ со взглядами людей, положимъ, смотрѣвшихъ на дѣятельность Петра сквозь призму идеализма и, со взглядами его антагонистовъ, все-таки нельзя признать, что Соловьевъ выработалъ относительно другихъ какое-либо примиряющее, раціональное и разоблачающее понятіе

во взглядахъ на теченіе историческихъ фактовъ. Повидимому, желая создать что-либо среднее, онъ незамѣтно самъ вналъ въ крайнее толкованіе исторической жизни, ссылаясь на какіе то неопредѣленные законы, или процесы. Какіе это законы, гдѣ ихъ логическое опредѣленіе, можемъ ли мы ихъ представить себѣ въ систематическомъ изложеніи? Вотъ вопросы, которые невольно возбуждаются тотчасъ послѣ умозаключеній г. Соловьева. Великій человѣкъ, по его мнѣнію, прежде всего сынъ своего вѣка, т. е. плодъ, развившійся по извѣстнымъ, непосредственно связаннымъ съ данною эпохою законамъ. Въ немъ онъ видитъ не явленіе случайное, частное, выдающееся, а какое-то общее правило созиданія великихъ историческихъ единицъ. Можно ли съ этимъ вполнѣ согласиться, зная, что духовныя способности великаго человѣка отнюдь не подлежатъ никакому постороннему вліянію. Великій человѣкъ не потому возвыщается надъ всѣмъ его окружающимъ, что на это существуетъ подготовительная процедура историческихъ фактовъ, но потому скорѣе, что въ него вложена особая способность, что самъ онъ, по природѣ своей, является существомъ уже необыкновеннымъ, однимъ словомъ скорѣе выродокъ своего вѣка, опережающій все современное.

Въ нынѣшнемъ году вышелъ 26-й томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ.» Такимъ образомъ, неуклонно издавая каждый годъ по одному тому въ 400—500 страницъ, Сергѣй Михайловичъ передалъ намъ почти всю тысячелѣтнюю исторію нашего отечества, доведя ее до первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, и русское общество гордится блестящею дѣятельностью нашего историка, въ теченіи четверти вѣка дарившаго публику плодами своихъ изслѣдованій, разъяснившихъ намъ тысячелѣтнюю жизнь нашей родины.

во взг

мо

в

ра

VI.

Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ.

Сложное устройство человѣческаго тѣла представляетъ обширнѣйшую тему для научныхъ наблюденій; внутреніе процесы нашего организма до такой степени многообразны, что найти общую руководящую силу, которая даетъ толчокъ имъ, было дѣломъ весьма большой важности и представляло крайне трудную задачу.

Извѣстно, что нервы, дѣйствующіе на мышцы, управляютъ всѣми органическими движеніями человѣческаго тѣла; но откуда нервы получали эту двигательную силу, изъ какихъ тканей состояли они, и что именно, какой элементъ вліялъ, чтобы приводить ихъ въ активное состояніе—это, до послѣдняго времени не было выяснено наукой. Довольствовались тѣмъ, что признавали за нервной системой руководящую способность управлять всѣмъ организмомъ; но изслѣдовавъ наконецъ вполнѣ анатомическое устройство нерва, найдя его господствующее значеніе надъ мышцами, все-таки недоумѣвали: что же именно приводитъ въ движеніе нервный токъ, который самъ по себѣ составляетъ матеріалъ пасивный и безъ посторонней силы не можетъ имѣть никакого вліянія.

Однимъ словомъ устройство человѣческой машины было изслѣдовано вполнѣ до мельчайшихъ подробностей, но элементъ, который даетъ жизненную силу, приводитъ въ движеніе эту машину, питаетъ руководящія нити организма— не былъ извѣстенъ. Полагали, что организмъ приводится въ активное состояніе движеніемъ крови, которая движется посредствомъ сокращенія мышцъ, получающихъ въ свою очередь способность сокращаться отъ нервовъ,—откуда же нервы получали толчокъ и движеніе—на это никто не могъ дать отвѣта. Само собою разумѣется, что эту силу, управляющую нервами, слѣдовало искать внѣ человѣка—въ природѣ его окружающей, тамъ, гдѣ групируются условія всякого существованія, откуда дается толчокъ всему мірозданію. Это не была гипотеза обыденная, поверхностная, а одна изъ тѣхъ идей, которыя созрѣваютъ въ умѣ человѣка черезъ нѣсколько столѣтій. Идея, что главною двигательною силою мірозданія, въ томъ числѣ и двигателемъ жизненныхъ силъ каждаго животнаго, является электричество, сама по себѣ великій шагъ въ наукѣ. Теперь, когда пришли къ убѣжденію, что міровое электричество распредѣлено не только въ воздушныхъ пространствахъ и на землѣ, но и проникаетъ въ тѣла всего животнаго царства, — теперь многія явленія, даже жизненная сила каждаго организма, весьма легко объясняются. Тѣло животнаго, находясь подъ непрерывнымъ токомъ земного электричества, пріобрѣтаетъ жизненную силу, и потому нервы какъ неизбѣжные проводники его, являются однимъ изъ болѣе важныхъ и существенныхъ органовъ. Нервно-мозговая дѣятельность господствуетъ во всѣхъ отправленіяхъ организма, и потому изученіе нервной системы вообще и устройства нерва въ частности представляетъ заманчивый трудъ для каждаго естествоиспытателя.

Между русскими учеными, съ успѣхомъ посвятившими себя изученію нервной системы, мы должны назвать Ивана Михайловича Сѣченова, уроженца Симбирской губерніи, въ числѣ предковъ котораго намъ извѣстенъ только митрополитъ Димитрій Сѣченовъ. Первоначальный курсъ ученія И. М. Сѣченовъ слушалъ въ главномъ, нынѣ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, гдѣ окончивъ воспитаніе въ кондукторскихъ классахъ, на двадцатомъ году былъ выпущенъ въ офицеры инженер-прапорщикомъ; но оставленъ былъ въ офицерскомъ классѣ училища, что нынѣ академія. Тутъ однако Сѣченовъ не выдержалъ переходнаго экзамена въ высшій классъ и былъ выпущенъ затѣмъ въ фронтовые саперные офицеры въ Кіевѣ. Военная служба не была по душѣ ему и Иванъ Михайловичъ вскорѣ подалъ въ отставку для того, чтобы поступить въ медицинскій факультетъ московскаго университета студентомъ.

По окончаніи тамъ курса, Иванъ Михайловичъ отправился за границу и въ Берлинѣ занимался у професора Дюбуа-Реймона, а въ Вѣнѣ—у Лудвига; кромѣ того, онъ много работалъ самостоятельно въ ихъ лабораторіяхъ надъ газами крови, нервами и алкоголемъ, такъ что послѣдній былъ даже предметомъ его докторской дисертаціи.

Въ 1859 г. Сѣченовъ былъ приглашенъ занять кафедру физіологіи въ медико-хирургической академіи. Явясь къ мѣсту своего назначенія въ 1860 г., онъ прежде всего сталъ читать пробныя лекціи «О нервномъ электричествѣ», которыя впослѣдствіи были напечатаны. Послѣ того Сѣченовъ былъ опредѣленъ адъюнкт-професоромъ академіи и съ того времени читалъ до 1871 г. физіологію второму курсу студентовъ. Эти лекціи были рядомъ самыхъ поучительныхъ, интересныхъ научныхъ сеансовъ, и всегда аудиторія его переполнялась слушателями, которые съ восторгомъ

усвоивали себѣ новыя доктрины, выработанныя трудами скаго ученаго.

Почти въ то же время Иванъ Михайловичъ устроилъ съ г. Якубовичемъ физіологическій кабинетъ въ академіи, гдѣ среди студентовъ производилъ свои научныя изысканія, и благодаря неутомимымъ трудамъ и ничѣмъ неудержимому рвенію къ наукѣ, благодаря важнымъ открытіямъ, сдѣлался извѣстнымъ европейскимъ ученымъ.

Въ лучшій періодъ своей дѣятельности онъ написалъ много замѣчательныхъ сочиненій по физіологіи, которыя были имъ изданы спустя десять лѣтъ. Его «Физіологія нервной системы» отличается самостоятельнымъ взглядомъ на предметъ, а книга «О центрахъ, задерживающихъ рефлексы» вызвала другую, извѣстную его брошюру «Рефлексы головного мозга». Кромѣ того, Сѣченовъ помѣщалъ свои сочиненія въ періодическихъ изданіяхъ; такъ въ 1870 г. онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» публичныя лекціи «Физіологія растительныхъ процесовъ», которыя потомъ были изданы отдѣльно. Переводя съ иностранныхъ языковъ, Иванъ Михайловичъ не только редактировалъ, но и пересматривалъ, передѣлывалъ и дополнялъ собственными наблюденіями переводимыя сочиненія. Вообще заслуги его какъ професора и ученаго весьма важны и академія, оцѣнивая это, назначила Сѣченова ординарнымъ професоромъ, не смотря на то, что кафедра по физіологіи была уже занята Якубовичемъ.

Въ 1871 году И. М. Сѣченовъ покинулъ медико-хирургическую академію и поступилъ професоромъ въ Новороссійскій университетъ, а въ настоящее время снова возвратился въ Петербургъ, къ прежнему своему мѣсту служенія, не смотря на приглашенія и заявленія, полныя уваженія того круга ученыхъ и учащихся, гдѣ онъ провелъ послѣднія пять лѣтъ.

Среди представителей русской науки, Иванъ Михайловичъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Дѣйствительно, дѣятельность этого ученаго настолько значительна и благотворна, онъ такъ много сдѣлалъ для физіологіи, которой посвятилъ всѣ свои силы и познанія, что пріобрѣлъ право стоять на ряду съ главными европейскими двигателями науки.

Изъ трудовъ И. М. Сѣченова, напечатанныхъ въ изданіяхъ императорской академіи наукъ, въ трудахъ вѣнской академіи, во многихъ нашихъ и заграничныхъ спеціальныхъ журналахъ и отдѣльными статьями, видно, что онъ не ограничивался какимъ-либо однимъ отдѣломъ физіологіи, какъ поступаетъ теперь большая часть спеціалистовъ, но испыталъ свои силы по разнымъ отраслямъ науки.

Вотъ списокъ главныхъ трудовъ, напечатанныхъ И. М. Сѣченовымъ:

1) Ueber die Vergiftung mit Schwefelcyankalium, 1858; 2) Матеріалы для физіологіи алькогольнаго опьяненія. Дисертація на степень доктора, 1860; 3) Beitrag zur Pneumatologie des Blutes, 1859; 4) Pneumatologische Notizen (Gase der Milz); 5) Ueber die Fluorescenz der durchsichtigen Augen medien u. s. w., 1859; 6) Eine neue Methode die mittlere Groesse d. Blutdrucks in der Arterien zu bestimmen.; 7) Neuer Apparat zur Gewinnung der Gase aus dem Blute; 8) Studien über die reflexhemmenden Mechanismen, 1863; 9) Weiteres ueber die Reflexhemmung beim Frosche; 10) Neue Versuche am Hirn und Reckenmarke des Frosches, 1865; 11) Ueber die Nervenbahnen zwischen den Extremitäten des Frosches, 1865 — 66; 12) Nachträglicher Zusatz zur Frage über die Einrichtung des Frosch-Rückenmarkes, 1866; 13) Ueber die electrische und chemische Reizung der sensibles Rückenmarksnerven des Frosches, 1868; 14) Einige Bemerkungen über

n. Verchalten der Nerven gegen sehr schnellfolgende Reize, 1872; 15) Ueber die Absorbtiometrie in ihrer Anwendung auf die Zustände der Kohlensäure im Blute, 1873; 16) Wirkung des Vagus auf's Herz, 1873; 17) Verhalten der Kohlensäure gegen schwache Lösungen von kohlensaurem Natron, 1873.

Кромѣ спеціальныхъ работъ, И. М. Сѣченовъ издалъ нѣсколько руководствъ по физіологіи, которыя могутъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми:

Ученіе о животномъ электричествѣ; Учебникъ физіологіи Германа, на русскомъ языкѣ съ прибавленіями; Физіологія органовъ чувствъ. (Изъ этого сочиненія напечатана физіологія глаза).

Ученіе о животномъ электричествѣ было плодомъ лекцій, читанныхъ Сѣченовымъ врачамъ, желавшимъ познакомиться основательно съ новымъ ученіемъ. Академія наукъ увѣнчала этотъ трудъ демидовскою преміею. Физіологія нервной системы и глаза содержитъ не только все, что было сдѣлано по этимъ отдѣламъ, но и заключаетъ въ себѣ много собственныхъ изслѣдованій Сѣченова и его учениковъ. Эти труды составляютъ до настоящаго времени настольную книгу всякаго образованнаго и интересующагося наукою врача.

Относительно нѣкоторыхъ трудовъ Ивана Михайловича приводимъ отзывъ, заимствованный изъ записки объ ученыхъ заслугахъ его, представленный въ ноябрѣ 1873 г. академіи наукъ, по случаю предложенія И. М. Сѣченова въ адъюнкты этой академіи, за подписью: Θ. Брандта, Л. Шренка, Ф. Овсянникова, А. Штрауха, Максимовича и Н. Желѣзнова.

«Мы считаемъ долгомъ, говорится въ докладной запискѣ, остановить наше вниманіе на работахъ г. Сѣченова надъ газами крови. Работы этого рода не только принадлежатъ

къ однѣмъ изъ самыхъ трудныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и къ самымъ интереснымъ. Только обладая точными анализами венной и артеріяльной крови и лимфатическаго сока, можно вникнуть въ сложные процесы обмѣна веществъ, ихъ метаморфозъ, выяснить дѣятельность железъ и другихъ органовъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, во время ихъ работы и покоя, при повышеніи давленія, при отравленіи крови и т. д. Оставляя въ сторонѣ самые результаты анализовъ, скажемъ только, что для насъ въ этомъ дѣлѣ особенно интересенъ методъ изслѣдованія, и что поглощеніе кислорода кровью не слѣдуетъ закону Дэльтона, а находится въ прямой зависимости отъ количества гемоглобина.»

О трудахъ Ивана Михайловича по изслѣдованію нервной системы, тамъ же говорится:

«Изъ всѣхъ отдѣловъ науки, физіологія нервной системы представляетъ изслѣдователю громадныя затрудненія, но между тѣмъ этотъ отдѣлъ возбуждаетъ самый глубокій научный интересъ, такъ какъ всѣ процесы животнаго организма находятся въ самой тѣсной связи съ этою системою и подъ непосредственнымъ ея завѣдованіемъ. По этой причинѣ мы ставимъ особенно высоко труды г. Сѣченова по изслѣдованію нервной системы. Такъ какъ, въ послѣднее время, такъ называемые задерживающіе нервы обратили на себя особенное вниманіе физіологовъ, то вполнѣ понятенъ тотъ живой интересъ, съ которымъ встрѣчены были изслѣдованія нашего ученаго, произведенныя надъ центрами, задерживающими рефлексы. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ г. Сѣченовъ напечаталъ означенный трудъ, а между тѣмъ и въ настоящее время нѣтъ ни одной физіологіи, въ которой бы не говорилось о сдѣланномъ имъ открытіи и оно бы не оцѣнялось по достоинству.»

Что касается до професорской дѣятельности Сѣченова, она была такъ же замѣчательна и полезна, какъ и его ученая дѣятельность. Въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ неутомимо работая по предмету своей кафедры, онъ оказывалъ самое благотворное вліяніе на своихъ слушателей, и нынѣшнее поколѣніе нашихъ молодыхъ докто́ровъ болѣе всего обязано ему серьезной научной подготовкой къ своей трудной, но почтенной дѣятельности. Если прибавить, что Сѣченовъ обладаетъ всѣми талантами професора: краснорѣчіемъ, ясностью изложенія, глубокимъ, свѣтлымъ, реальнымъ взглядомъ, многосторонними познаніями, и что, по своему характеру, онъ является лучшимъ другомъ и помощникомъ студентовъ, то понятны любовь и уваженіе, съ которыми они всегда къ нему относятся.

VII.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Въ 1833 году поступилъ въ московскій университетъ по «словесному отдѣленію» пятнадцати-лѣтній юноша Иванъ Тургеневъ, сынъ орловскаго помѣщика, отставного полковника-кавалериста, переселившагося, лѣтъ пять тому назадъ, изъ деревни въ Москву, на Самотекъ, ради мирнаго и безпечнаго житія, въ виду чего и былъ имъ пріобрѣтенъ въ этой мѣстности домъ. Молодой Тургеневъ получилъ воспитаніе, въ то время считавшееся лучшимъ; характеръ этого воспитанія извѣстенъ намъ и по множеству записокъ людей того времени, и по произведеніямъ Фонвизина, Грибоѣдова и Пушкина, гдѣ изображены одни недостатки, отчего общее представленіе о немъ остается въ умѣ читателя безъ сомнѣнія одностороннимъ, не совсѣмъ вѣрнымъ. Воспитанный въ деревнѣ среди крѣпостныхъ нянекъ и доморощенныхъ дядекъ, а потомъ подъ надзоромъ случайно заброшенныхъ судьбою въ Россію швейцарцевъ и нѣмцевъ, молодой студентъ, конечно, не могъ пріобрѣсти основательныхъ познаній и богатыхъ свѣдѣній, не смотря на всѣ заботы своихъ родителей, занимавшихся воспитаніемъ дѣтей со всѣмъ рвеніемъ степныхъ помѣщиковъ. Въ образованіи дворянскаго юношества того времени обращалось

вниманіе, главнымъ образомъ, не на внутреннее содержаніе преподаванія, а на казистость,—на возможность щегольнуть образованіемъ, и потому практическое знаніе иностранныхъ языковъ стояло на первомъ планѣ.

Дѣйствительно, способный мальчикъ свободно уже читалъ и правильно изъяснялся на иностранныхъ языкахъ; причемъ, однако, вліяніе иноземной рѣчи, по счастливой случайности, не изгладило изъ его памяти родного слова. Степной просторъ и близость къ народу, къ природѣ, вопреки стараніямъ педагоговъ закупорить живого ребенка въ учебную комнату, не допустило его ни до буквальнаго аскетизма, ни до того верхоглядства и фразерства, которымъ такъ часто страдаютъ кабинетные книжники.

Студентъ понималъ смутно невыгоды своего воспитанія и рѣшился, на сколько возможно, восполнить его пробѣлы. Прилежно посѣщая лекціи и слушая Погодина, Павлова и Клюшникова, онъ въ тоже время занимался у професора Побѣдоносцева русскими письменными упражненіями по хріямъ, т. е. по общепримѣнимымъ ко всякой темѣ програмамъ, которымъ прежде приписывали особенно важное значеніе, какъ орудіямъ изобрѣтенія мысли, и которые, въ наше время, совершенно справедливо брошены окончательно.

Въ слѣдующемъ 1834 году, Иванъ Сергѣевичъ перешелъ въ петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ въ 1837 г. курсъ кандидатомъ. Запасъ свѣдѣній, вынесенный имъ изъ университетскихъ курсовъ (Москвы и Петербурга), расчитанныхъ на 15—16 лѣтнихъ слушателей, былъ не великъ. Весною 1838 года отправился онъ въ Берлинъ, университетъ котораго славился въ то время въ Германіи составомъ своихъ професоровъ филологическаго и юридическаго факультетовъ. Здѣсь Тургеневъ изучалъ Гегелевскую философію, вліяніе которой на русскую мысль, продолжающееся и

до сихъ поръ, тогда только что начиналось. Вмѣстѣ съ нимъ слушали философію: Грановскій, Станкевичъ и Фроловъ.

Недостатки систематическаго школьнаго образованія въ Иванѣ Сергѣевичѣ вознаграждались отчасти чтеніемъ лучшихъ произведеній французской, нѣмецкой и англійской литературъ, отчасти вліяніемъ кружка даровитыхъ молодыхъ товарищей, отчасти также семейными преданіями и связями.

Началъ свою литературную дѣятельность Иванъ Сергѣевичъ еще студентомъ 2-го курса университета фантастической драмой «Стеніо», — которую онъ самъ въ своихъ Воспоминаніяхъ называетъ дѣтски неумѣлымъ подражаніемъ Байрону. Въ 1838 г., въ первый разъ появилось въ печати его стихотвореніе «Старый Дубъ», помѣщенное въ «Современникѣ» П. А. Плетневымъ, на судъ котораго, какъ говорилось тогда, представилъ юный авторъ первые плоды своей музы.

Мотивы путешествія за границу, какъ самого себя, такъ и всѣхъ вообще молодыхъ людей того времени, Тургеневъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ, объясняетъ такъ: «Каждый изъ насъ точно также чувствовалъ, что его *земля* (я говорю не объ отечествѣ вообще, а о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ... но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ—полоса помѣщичья, крѣпостная, — не представляла ничего такого что могло-бы удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство сму-

щенія, негодованія, отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ; либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя «всѣхъ и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился внизъ головою въ «Нѣмецкое море», долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда наконецъ вынырнулъ изъ его волнъ — я все-таки очутился «западникомъ» и остался имъ навсегда. Мнѣ и въ голову не можетъ придти осуждать тѣхъ изъ моихъ современниковъ, которые другимъ, менѣе отрицательнымъ путемъ достигли той свободы, того сознанія, къ которымъ я стремился.... Я хочу только заявить, что я другого пути передъ собою не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ — крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее испытать. И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякого сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей, ея нуждъ. Записки Охотника, эти, въ свое время новые, впослѣдствіи далеко опереженные этюды, были написаны мною за границей; нѣкоторые изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться-ли мнѣ на родину, или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ

замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но несмотря на эти убѣжденія и помимо моей воли. Трудно спорить о подобномъ предметѣ; знаю только, что я конечно не написалъ бы «Записокъ Охотника», еслибъ остался въ Россіи. Скажу также, что я никогда не признавалъ той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосвѣдущіе патріоты непремѣнно хотятъ провести между Россіей и западной Европой, съ которою порода, языкъ, вѣра тѣсно ее связываютъ.... Неужели же мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякого посторонняго вліянія, съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы онъ насъ не испортилъ? Я этого не полагаю: я полагаю, напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой — нашей, русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были въ такомъ случаѣ за плохенькій народецъ! Я сужу по собственному опыту: преданность моя началамъ, выработаннымъ западною жизнью, не помѣшала мнѣ живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской рѣчи. Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленныя, столь разнообразныя обвиненія — помнится, ни разу не укоряла меня въ нечистотѣ и неправильности языка, въ подражательности чужому слогу.»

Университетскія занятія, а послѣ путешествіе въ Италію, кратковременная служба и домашнія обстоятельства отвлекли Ивана Сергѣевича отъ литературнаго поприща, на которое онъ выступилъ снова не ранѣе 1849 года, напечатавъ небольшую поэму «Параша», заслужившую одобреніе Бѣлинскаго, помѣстившаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» длинную о ней статью. Но окончательно упрочилась литературная слава И. С. Тургенева только съ появленіемъ въ «Современникѣ» 1847 г. разсказа «Хорь и Калинычъ», перваго изъ числа извѣстныхъ подъ названіемъ «Записокъ

Охотника». Высокая художественность этихъ прелестныхъ разсказовъ кроется въ проникнутомъ общечеловѣческой любовью вниманіи къ быту своего народа: часто въ разсказахъ этихъ авторъ касается и крѣпостничества, но обличая его, онъ никогда не впадаетъ въ наставническій тонъ моралиста; ни въ обличительный тонъ политическаго оратора. Въ «Запискахъ Охотника» личность разсказчика играетъ совершенно ничтожную роль; объ этой личности, т. е. о симпатіяхъ и антипатіяхъ, характерѣ и наклонностяхъ самого автора, нельзя составить себѣ по разсказамъ никакого понятія. Въ разсказѣ читатель видитъ передъ собою изображенный съ художественной правдивостью фактъ безъ всякого толкованія, безъ всякой указки. О гуманности автора говоритъ намъ только его неутомимая внимательность ко всѣмъ проявленіямъ духовной жизни народа—всего народа: крестьянъ, мѣщанъ, однодворцевъ и помѣщиковъ. И за то, какое богатство духовной жизни, какое кипучее разнообразіе ея проявленій онъ видитъ тамъ, гдѣ другіе, благодаря своему неразумному высокомѣрію, не видѣли ничего, кромѣ однообразной массы, годной развѣ только для сѣренькаго фона картины. Какъ въ ясномъ зеркалѣ, отражается въ «Запискахъ Охотника» жизнь и бытъ орловскихъ, курскихъ и тульскихъ селъ и деревень: не избѣгаетъ авторъ такъ-называемыхъ трагическихъ случаевъ и эфектныхъ положеній, но и не гоняется за ними, воспроизводя съ одинаковымъ мастерствомъ и мирное теченіе жизни и бури.

Укажемъ для примѣра на художественно-литературно изображенные имъ портреты двухъ крестьянъ: практика Хоря (человѣка себѣ-на-умѣ) и идеалиста поэта Калиныча. Живьемъ также возникаетъ передъ читателемъ и несчастная Арина — жертва самаго жесткаго эгоизма, весьма прозрачно маскируемаго лицемѣрной заботой о нравственности

ближняго. А охотники Владиміръ, Ермолай и Сучекъ, а пѣвцы, а ребята Бѣжина Луга! Кому изъ образованныхъ людей нашего времени не знакомы эти художественныя воспроизведенія народныхъ характеровъ?

Но не къ однимъ лицамъ изъ массы народа относится авторъ Записокъ Охотника сочувственно, — нѣтъ, онъ сочувствуетъ и тѣмъ нравственнымъ страданіямъ, которыя порождаетъ неестественный соціальный порядокъ въ средѣ помѣщиковъ — въ ихъ семейномъ и общественномъ быту: сколько скорби слышится въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда, въ Асѣ и другихъ разсказахъ этого рода!

Въ 1852 году арестованный за помѣщенную имъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», по случаю смерти Н. В. Гоголя статью, И. С. былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части, а потомъ отправленъ на жительство въ деревню, откуда, по окончаніи крымской войны, уѣхалъ за границу, и живетъ тамъ съ тѣхъ поръ постоянно, временно пріѣзжая въ Россію. За границей онъ нашелъ себѣ, въ лицѣ одной даровитой и высокообразованной артистки иностранки, пожинавшей лавры на европейскихъ сценахъ 40-хъ годовъ, друга, уврачевавшаго не одну сердечную рану, нажитую нашимъ писателемъ въ своемъ отечествѣ.

Въ 1855 г. появился большой разсказъ И. С. Тургенева «Рудинъ», составляющій какъ бы переходъ къ той формѣ небольшихъ романовъ, на которой нашъ писатель впослѣдствіи остановился, предпочтя ее другимъ формамъ литературныхъ произведеній. За Рудинымъ слѣдовалъ рядъ другихъ романовъ: «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ» «Отцы и дѣти», и въ 1867 г. «Дымъ». Во всѣхъ романахъ мы встрѣчаемъ одну и ту же идею — разладъ между развитіемъ личности и обществомъ, въ которомъ личность не только не встрѣчаетъ никакой нравственной поддержки,

но даже и простого пониманія нравственнаго развитія. Исключеніе составляетъ «Наканунѣ», въ которомъ болгаринъ патріотъ Инсаровъ встрѣчаетъ сочувствіе со стороны любимой имъ женщины. Какъ на одну изъ особенностей таланта Тургенева, которою обладаютъ весьма немногіе русскіе писатели, слѣдуетъ указать: на мастерское воспроизведеніе типовъ русскихъ женщинъ, причемъ Тургеневъ возсоздаетъ идеальные ихъ характеры едва ли не съ большей художественностью, чѣмъ характеры уродливые. Таковы Варвара Павловна въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», Суханчикова въ «Дымѣ», а съ другой стороны Лиза въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», Елена въ «Наканунѣ», Одинцова въ «Отцахъ и дѣтяхъ».

Въ настоящее время Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ готовитъ для печати новый романъ. Будемъ надѣяться, что нашъ замѣчательный беллетристъ затронетъ въ немъ еще какую либо живую струну общественной жизни.

Тургеневъ давно уже извѣстенъ въ Европѣ. Лучшіе романы его переведены на французскій языкъ. Его знаютъ и любятъ и въ Германіи. Ему удалось познакомить Германію съ русскою жизнью. Вотъ какъ отзывается о немъ извѣстный нѣмецкій критикъ Карлъ Глюмеръ. «Изъ его жанроваго описанія, вникающаго до малѣйшихъ подробностей во внѣшнюю жизнь и въ самыя сокровенныя, трудно уловимыя внутреннія побужденія, получается одно общее впечатлѣніе ясной, наглядной, смѣлыми штрихами писанной картины. Въ избу-ли мужика, въ дворянское ли помѣстье, въ мѣщанскій-ли домъ провинціальнаго городка, въ «общество»-ли вводитъ насъ Тургеневъ—вездѣ, совершенно отчетливо выясняются намъ степень образованія, привычки, желанія, стремленія людей, выводимыхъ имъ на сцену; мы слѣдимъ за ходомъ ихъ мыслей, ощущаемъ біеніе ихъ сердецъ, понимаемъ ихъ печали и радости, узнаемъ условія, на основа-

ніи которыхъ все это совершается, видимъ ясно—насколько судьба ихъ обусловлена политическимъ и соціальнымъ положеніемъ Россіи.

«Соотечественники Тургенева упрекаютъ его въ безпощадности, съ которой онъ раскрываетъ больныя мѣста родной общественной жизни; безпристрастный судья однако пойметъ, что это кажущееся непочтеніе такъ же, какъ у Берне, имѣетъ свой корень въ любви къ отечеству, въ убѣжденіи, что исправленіе возможно лишь, когда Россія сознаетъ, въ полномъ объемѣ, свои недуги, и въ желаніи—помочь развиться этому сознанію.

«Семейная жизнь рано дала Тургеневу возможность близко ознакомиться съ соціальными особенностями своего отечества. Онъ провелъ дѣтство въ родительскомъ имѣніи, внутри Россіи, плодородной и лѣсистой Орловской губерніи. Вдали отъ Москвы и Петербурга, этихъ двухъ центровъ интелигентнаго міра. Жизнь мѣстнаго дворянства, лишонная всякого художественнаго, научнаго или политическаго интереса, вращалась около самыхъ грубыхъ, матеріальныхъ наслажденій, и вездѣ, изъ-подъ внѣшняго французскаго лоска, пробивалась наружу прирожденная грубость. Тонкая, нервная натура Тургенева, рано умѣвшая подмѣчать, одаренная инстиктивнымъ стремленіемъ къ свободному, гармоническому развитію, съ дѣтства оскорблялась, ощущала отвращеніе тамъ, гдѣ ровесники его спокойно отдавались минутѣ. Въ повѣстяхъ его разсказано много прискорбныхъ, безпутныхъ воспоминаній, временъ его дѣтства и ранней молодости, много сценъ тогдашней жизни, отличавшейся безправностью и безнадежностью.

«Въ 1838 году Тургеневъ отправился въ Берлинъ, гдѣ углубился въ гегелевскую философію, нѣмецкій языкъ и литературу. Три года спустя, онъ вернулся на родину. За-

несенный, такимъ образомъ, изъ богатой умственной жизни въ деревенскую русскую глушь, онъ ощутилъ въ себѣ парализующее всякую энергію чувство безвыходнаго одиночества и отрѣшенности отъ свѣта; отголоски этиго состоянія мы находимъ въ позже написанной имъ повѣсти «Фаустъ».

«Тѣмъ не менѣе Тургеневъ остался въ Россіи почти шесть лѣтъ. Охота сдѣлалась его любимымъ занятіемъ и привела его къ наблюденіямъ надъ природою. Когда онъ въ 1846 году, вторично отправился за границу, въ свѣтъ явилась его книга: «Записки Охотника», — это лучшее его произведеніе.

«Однако, не смотря на близкое знакомство съ природою, Тургеневъ, въ противоположность германскимъ поэтамъ, никогда не испытываетъ на себѣ ея умиротворяющаго вліянія. Уландъ, напримѣръ, говоритъ. что съ приходомъ весны все должно измѣниться. Ленау, при паденіи листьевъ, приходитъ къ заключенію, «что смерть и разложеніе ничто иное, какъ тихій, радостный обмѣнъ». Гёте видитъ въ ощущеніи вечерней тиши надъ высью лѣса счастливое и успокоительное предзнаменованіе своего собственнаго загробнаго спокойствія. Тургеневъ, напротивъ, смотритъ на свое существованіе въ природѣ какъ на связь двухъ враждебныхъ противоположностей. По его словамъ, изъ первобытнаго лѣса такъ же, какъ изъ моря, голосъ природы одинаково говоритъ человѣку: что общаго между мною и тобою? я повелѣваю, а ты помни смерть.

«Записки Охотника» быстро прославили Тургенева; послѣдовавшія за ними повѣсти, вышедшія въ свѣтъ во время его пребыванія въ Германіи, Франціи и Италіи, пріобрѣли ему новыхъ почитателей. Его умѣнье разсказывать, мѣткость наблюденій, тонкость характеристикъ ставитъ его на

одинъ уровень съ Гоголемъ, котораго онъ превзошолъ въ художественномъ пониманіи мѣры и въ красотѣ слога. Изъ его сочиненій проглядывало тенденціозное желаніе доказать невозможность дальнѣйшаго существованія въ Россіи, деморализующихъ одинаково и барина и слугу, порядковъ крѣпостничества. Когда Тургеневъ въ 1850 году вернулся въ Петербургъ, его предостерегали, но онъ не хотѣлъ обращать на это вниманіе и продолжалъ писать въ томъ же духѣ, вслѣдствіе чего долженъ былъ отправиться въ свое имѣніе и жить тамъ безвыѣздно.

«Это было тяжелымъ испытаніемъ для поэта. Не было недостатка и въ разныхъ мелкихъ непріятностяхъ, начиная съ навязчиваго любопытства недальновидныхъ и трусливыхъ людей, преданныхъ существующему порядку вещей, и кончая правильными визитами исправника, получившаго наказъ навѣдываться, что подѣлываетъ писатель.

«Лишь въ началѣ 1855 года Тургеневу было разрѣшено вернуться въ Петербургъ, и онъ могъ ѣхать за границу. Онъ давно уже познакомился съ семействомъ Віардо, съ которымъ его связала тѣсная дружба. Съ нимъ поселился онъ въ Баденѣ. Тамъ, вокругъ Віардо-Гарсіа, собирался кружокъ выдающихся талантовъ всѣхъ странъ. Ея салонъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и салономъ русскаго поэта. Отсюда Тургеневъ пріѣзжалъ въ Россію, за развитіемъ которой онъ продолжалъ слѣдить съ тѣмъ же интересомъ, какъ и прежде. Здѣсь, кромѣ множества небольшихъ повѣстей, написаны имъ всѣ его послѣдніе романы, въ которыхъ онъ такъ же безпощадно указываетъ на ошибки въ новѣйшихъ цивилизаторскихъ стремленіяхъ молодой Россіи, какъ прежде указывалъ на опасность, заключавшуюся въ удержаніи старыхъ порядковъ, въ лѣни мыслить, въ хватаніи верхушекъ и въ эгоистическомъ довольствѣ прошлымъ.

«Нѣмецко-французская война побудила Тургенева оставить Баденъ. Въ послѣдніе годы онъ часто пріѣзжалъ въ Германію, гдѣ его сочиненія, вышедшія недавно въ полномъ собраніи на нѣмецкомъ языкѣ, такъ же охотно читаются, какъ и въ его отечествѣ.»

«Г

Б

ні

бр

и

А. Майковъ

VIII.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Лѣтъ четыреста назадъ, жилъ на Руси Нилъ Майковъ, внесенный въ исторію духовнаго просвѣщенія Руси подъ именемъ Нила Сорскаго, потому что на рѣкѣ Сорѣ, въ пустыняхъ бѣлозерскихъ, онъ учредилъ пустынножительскую обитель и сталъ основателемъ у насъ «житія скитскаго.» Это былъ человѣкъ, возлюбившій пустыню и слившій всю свою жизнь съ ея жизнью, закрывшій свое сердце отъ всѣхъ благъ мірской жизни и открывшій его для одного созерцанія величія Божія въ дѣвственной, еще не тронутой человѣкомъ природѣ.... Невольно думается, что духъ этого перваго записаннаго исторіею Майкова, переходя къ наслѣдовавшимъ его имя и видоизмѣняясь по поколѣніямъ, отразился, въ иной формѣ, но въ сущности, и на ближайшихъ къ намъ его потомкахъ.

Николай Аполлоновичъ Майковъ, отецъ нашего поэта (род. въ 1794, ум. въ 1873), начавшій въ юности поприще военное и боевое, пролившій кровь въ такомъ громадномъ и незабвенномъ бою, какъ Бородинскій, вдругъ является потомъ въ образѣ художника, но художника съ голубиной душой, непритворно возлюбившаго художество и живую при-

роду, не измѣнившаго этой любви до послѣднихъ дней глубокой старости, почти совсѣмъ потерявшаго подъ-конецъ зрѣніе, но не переставшаго устремлять его на полотно. Свободное искуство и свободная, живущая своею, ничѣмъ не стѣсненною жизнью, природа — вотъ чѣмъ питался духъ Николая Аполлоновича, несомнѣнно унаслѣдованный его сыномъ. А какъ зародилась и укоренилась эта наслѣдственность, о томъ самъ Аполлонъ Николаевичъ, въ 1855 году, т. е. 34-хъ лѣтъ отъ роду, значитъ—въ полной уже зрѣлости самосознанія, разсказалъ такъ:

«Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...
Въ столицу приведенъ насильно точно я;
Какъ-будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ,
И, кажется, *опять я дома въ Божьемъ мірѣ,*
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочки, сижу въ травѣ высокой...
Полдневный пышетъ жаръ — съ зарей я поднялся —
Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокій
Подъ теплый паръ земли глаза мнѣ не сомкнетъ...
О чудный сонъ! душа, Богъ знаетъ, гдѣ, далеко,
А ты во снѣ *живешь, какъ все вокругъ живетъ...*»

Это—начало стихотворенія: «Рыбная ловля». Въ томъ

же стихотвореніи есть одно мѣсто, гдѣ поэтъ дѣлаетъ такое обращеніе къ окружавшимъ его на ловлѣ предметамъ

«Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, *вась вспомню умирая:*
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы-ль, миря съ людьми, *учили жить меня!*»

Дѣйствительно, должно быть, у нихъ онъ учился первоначально. Родившійся 23 мая 1821 года и въ отрочествѣ «точно насильно приведенный въ столицу», Аполлонъ Николаевичъ поступилъ въ петербургскій университетъ, по юридическому факультету, и окончилъ курсъ въ 1841 году, т. е. ровно 20-ти лѣтъ отъ роду. Если сопоставить и сличить то, что напѣвалось ему въ эту юношескую пору, съ выше приведенными стихами, написанными четырнадцать лѣтъ спустя, въ пору зрѣлаго мужества, то явно окажется, какъ прочно были усвоены имъ безмолвно преподанные ему уроки и какъ вѣренъ остался онъ рано образовавшемуся и навсегда утвердившемуся въ немъ душевному строю. Вотъ что напѣвалось ему въ 1841 году:

«Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; *ихъ звукъ необычайный*
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.»

Въ томъ-же году, на сдѣланный ему вопросъ: когда и какимъ процесомъ слагаются у него стихи, онъ отвѣтилъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ...
Не думай, чтобы я въ то время размышлялъ
О благости небесъ, величіи природы,

И, подъ гармонію ея, я строилъ стихъ.
Разсѣянно гляжу на дремлющія воды
Лѣсного озера и верхи соснъ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивъ, смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикія ныряютъ въ воду съ шумомъ;
Безсмыслено гляжу я въ зыблемыхъ струяхъ
На удочку, забывъ о прозѣ и стихахъ...
Но послѣ, далеко отъ милыхъ тѣхъ явленій,
Въ ночи, я чувствую, передо-мной встаютъ
Видѣнья милыя, пестрѣютъ и живутъ,
И движутся, и я привѣтствую ихъ тѣни,
И узнаю лѣса и дальнихъ горъ ступени,
И озеро... Тогда я слышу, какъ кипитъ
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ,
Какъ стихъ слагается и прозябаютъ мысли...»

Чтобъ довершить это сопоставленіе двухъ эпохъ изъ жизни поэта и показать яснѣе неизмѣнность его основного душевнаго строя, приведемъ маленькое стихотвореніе, позднѣйшей эпохи 1854 года, представляющее самое свѣтлое и радостное проявленіе этого настроенія:

«Весна! выставляется первая рама —
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ — даль голубая видна:
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!»

Не помнится, чтобъ кто-нибудь еще съ такой-же искренностью и изящной простотой чувства привѣтствовалъ весну. Это — одинъ, мгновенно вылетѣвшій изъ сердца крикъ чистѣйшей радости,—крикъ, замкнутый такимъ великолѣпно

изваяннымъ послѣднимъ стихомъ, который уже указываетъ позднѣйшую эпоху въ поэтѣ и до котораго надо было дойти чрезъ извѣстный періодъ художественнаго воспитанія.

Въ періодъ своего студенчества Аполлонъ Николаевичъ занимался живописью и подъ-конецъ написалъ картину, получившую почетное назначеніе. Пластическое искуство, съ которымъ онъ, также черезъ отца,ароднился съ дѣтства, въ соединеніи съ основнымъ душевнымъ строемъ, породило, конечно, тотъ рядъ антологическихъ стихотвореній, вѣрныхъ духу класической древности и съ строго-античной отдѣлкой, которыя вошли въ первый его сборникъ, изданный въ 1842 году, и которыя представляютъ какъ бы красивый цвѣтникъ при входѣ въ садъ, наполненный дальше широковѣтвистыми деревьями. Проходя мимо тѣ изъ нихъ, которыя отличаются роскошью красокъ, приведемъ одно, гдѣ чуть слышна струна, поющая поэзію пустыни:

«Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки,
Утварь, которую рѣжешь ты самъ на досугѣ;
Ставь предъ нами изъ глины кувшины простые
Съ влагой студеной, почерпнутой въ полдень палящій
Въ этомъ ручьѣ, что бѣжитъ между травами звонко,
Въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью дуплистыя липы!
Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и кореньевъ;
Вспомнимъ, какъ въ первые вѣки отшельники жили,
Тѣло свое изнуряя постомъ и молитвой;
И, въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
Шутку порой перекинемъ мірскую.»

Этотъ легкій намекъ на жизнь отшельниковъ, какъ видно, не былъ только плодомъ какого-нибудь случайнаго и мимолетнаго впечатлѣнія: поэзія пустыни, отношеніе къ ней отшельниковъ, давно носившееся въ воображеніи поэта, впослѣдствіи черезъ много лѣтъ такъ у него выяснилось, такъ освѣтилось, что невольно думается: не духъ-ли Нила Сор-

скаго таинственно помогъ своему дальнему потомку-стихотворцу такъ живо прочувствовать прелесть пустыни съ точки зрѣнія отшельника?... Въ 1842 году Аполлонъ Николаевичъ уѣхалъ за границу. Поѣздка предпринята была съ художественною цѣлію и съ пособіемъ отъ покойнаго Государя. Онъ провелъ зиму въ Парижѣ и больше года въ Италіи, преимущественно въ Римѣ. Богатымъ плодомъ этой поѣздки была высоко цѣнимая группа стихотвореній, носящихъ общее заглавіе: «Очерки Рима». Это родъ думъ, навѣянныхъ вѣчнымъ городомъ, облеченныхъ въ ту-же строго-античную форму. Не вдаваясь въ оцѣнку этой группы, остановимся лишь на одномъ заключающемся въ этой группѣ стихотвореніи: «Художникъ», которое даетъ намъ подмѣтить, на сколько поэтъ, среди всѣхъ подавляющихъ впечатлѣній, остался вѣренъ тому чувству, которое воспитали въ немъ картины «бѣдныя полуночнаго края».

«Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-сребристыя горы;
Ходишь, какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый, какъ родина наша... И Лора горюетъ,
Точно гадая, о чемъ ты тоскуешь, и смотритъ
Въ очи тебѣ и порой ловитъ бредъ твой сквозь-сонный.
Что? не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? и солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рядятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! ты тайну природы постигнешь!
Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
Выносилъ въ сердцѣ тяжелую думу.

И самъ поэтъ выносилъ наконецъ въ сердцѣ свою думу, которая естественно должна была образоваться изъ тогоже неизмѣннаго настроенія: это—вѣчный и вѣчно-отзываю-

щійся въ сердцѣ человѣка голосъ живой природы, заглушая который въ себѣ, замираетъ сердце человѣка, и тогда — безжизненны всѣ его дѣла и мысли. Такъ, вначалѣ, высказалась эта дума:

«Не гость минутный, не скиталецъ,
Не проходящій постоялецъ
Въ роскошномъ мірѣ этомъ я —
Я *сынъ земли*, я царь ея!
Не оторваться мнѣ устами
Отъ груди матери моей,
Не разорвать мнѣ цѣпи съ ней....»

Всѣ его такъ-названныя «Житейскія думы», касаются лицъ заглушившихъ или старающихся заглушить въ себѣ этотъ зовущій къ жизни голосъ. Та-же дума навела его на такіе сюжеты, какъ «Савонаролла», «Приговоръ», «Исповѣдь королевы»; въ нихъ звучитъ все та-же поющая о жизни струна. «Суровый доминиканецъ» умираетъ на кострѣ съ именемъ Христа...

«Христосъ, Христосъ! но, умирая
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ! онъ понялъ-ли Тебя?
О, нѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гналъ
И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословлялъ!
И человѣкъ, въ Твоемъ ученьѣ
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
Съ любовью видитъ откровенье,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ...
Своею кровью *жизни слово*
Ты освятилъ, — и возрасло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца-жъ кликъ суровый
Былъ чуждъ любви....»

Весь смыслъ «Приговора» заключается въ томъ, что «души чернаго собранья», оглохшія къ голосу природы и ѳмертвѣвшія, какъ чудомъ пробуждены на минуту пѣніемъ соловья, и бывшій въ собраніи, вызванный изъ пустыни старецъ едва не опрокидываетъ всего мрачнаго и безжизненнаго дѣла только потому, что

«Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья.»

«Исповѣдь Королевы»—это глубокая, холодомъ охватывающая скорбь о готовившемся нѣкогда, исторической ложью порожденномъ, безпримѣрномъ подавленіи человѣческой природы; это—картина, изображающая, какъ зарождается, въ нѣдрахъ европейскаго запада, страшное, смертью дышащее дѣло—инквизиція; это—втайнѣ, въ глубинѣ души, безмолвно возсылаемая, благодарность неисповѣдимой судьбѣ, оставившей насъ въ сторонѣ отъ этой мрачнѣйшей лжи, мрачнѣйшей изъ всѣхъ, потому что она кощунственно прикрывалась знаменемъ Христовой церкви.

Наконецъ, голосъ природы, дающей право всѣмъ сторонамъ жизни, подслушалъ нашъ поэтъ дома, на самомъ днѣ русской души; онъ подслушалъ его у слѣпца, распѣвающаго духовные стихи передъ монастырскими воротами и уговаривающаго толпу, возроптавшую на разгульнаго парня, который затянулъ веселую пѣсню, чтобъ его «не судили строго...»

«Благъ — небесный нашъ Отецъ:
Смѣхъ и слезы — все отъ Бога!
Отъ Него — и скорбный стихъ,
Отъ Него — и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ, кто любитъ ихъ

Въ свѣтлый часъ и часъ тяжелый!
«А кто любитъ ихъ — мягка
Въ томъ душа и незлобива,
И къ добру она чутка,
И роститъ его, какъ нива.»

Мы старались извлечь изъ произведеній А. Н. Майкова, такъ сказать, образчики почвы, на которой росли его воззрѣнія. Свойство этой почвы таково, что на ней само собою, естественно, какъ самородокъ, должно было развиться чувство чистой и простой, не тронутой перепутавшимися между собой теоріями, жизненной правды, которой всѣ мы ждемъ, какъ чего-то издали къ намъ идущаго. Съ этимъ именно чувствомъ донынѣ отзывается нашъ поэтъ на болѣе крупныя явленія жизни. Два года назадъ, бѣдствіе, поразившее часть русскаго народа вызвало у его музы такой «Вопросъ»:

«Мы всѣ хранители огня на олтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ! мы соль земли, мы свѣтъ!...
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,
Прокормимъ какъ-нибудь мы темный этотъ людъ,
Чтобы не умереть ему, не голодать,
Намъ есть пока что̀ дать!
Но если-бъ умеръ въ немъ живущій идеалъ
И мучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ-бы къ намъ,
Своимъ старѣйшинамъ, пророкамъ и вождямъ, —
Мы всѣ хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ и въ ту свѣтилъ-бы тму, —
Что̀-бъ дали мы ему?...»

Наконецъ — при послѣднемъ, еще неразрѣшившемся взрывѣ человѣческаго страданія, гдѣ какъ-бы самолично

страдаетъ вѣчная, донынѣ гонимая правда, вырвалось изъ сердца поэта:

«Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять — блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!
Европа наконецъ внимаетъ ихъ мольбамъ...
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей:
Тамъ — Царь-помазанникъ! стратигъ Востока — тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей...
И знаетъ это Русь... и долгъ свой приняла —
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода;
И мысль великая въ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа...
Ужъ близокъ Николай у цѣли былъ... Но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала-ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить, быть можетъ, сердцу сына?»

Для полной критической оцѣнки произведеній А. Н. Майкова, все доселѣ сказанное должно было служить только вступленіемъ. Капитальное созданіе его, служащее вѣнцомъ его поэтической дѣятельности, лирическая драма «Двâ Міра». На сопоставленіе двухъ міровъ — дряхлѣющаго языческаго и нарождающаго христіанскаго, со всею яркостью чувственныхъ красокъ эпохи цезаризма и глубиной духовно-нравственнаго міровоззрѣнія древнѣйшихъ христіанъ—могъ отважиться только поэтъ истинный, объективный, который съ грекомъ грекъ, съ римляниномъ—римлянинъ и всеобъемлющъ какъ славянинъ. Приведемъ нѣсколько стиховъ изъ самой драмы, въ которыхъ какъ-бы резюмируется вся ея мысль, въ которыхъ полно вызсказываются два міра.

Древній, отходящій міръ, устами Децiя, говоритъ:

«Марцеллъ! вѣдь строя Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь Римъ отцовъ,

Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!
Римъ — словно небо, крѣпкимъ сводомъ
Облегшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ,
Или отжившимъ, иль привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье —
Кому-же?... Тѣмъ, кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ, въ цѣпяхъ, лишь къноскѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того, что мнѣ-бъ и мулъ свозилъ!
Рабы!.. Марцеллъ, да гдѣ ты? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ — имъ не позоръ!

Представитель новаго, зарождающагося міра, Марцеллъ, говоритъ, указывая на христіанъ:

. . . всѣ проникнуты одной —
Какъ солнцемъ глубины морскія —
Любовію!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли! Безъ мечей
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
Пойми-жъ, что свыше лозунгъ данъ!
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ, какъ нѣкій ураганъ...
Что было свѣтомъ — въ мракъ отходитъ!
Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
И солнце новое восходитъ,
Все прежнее бѣжитъ какъ тѣнь,
Что-жъ, ветхій человѣкъ, усильно
За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
Исчезнуть хочешь въ тмѣ могильной
Въ безумной гордости своей!

Себя поставивши судьею
Надъ всей вселенной, никогда
Ужъ не признаешь надъ собою
Глаголовъ Божьяго суда...»

Распадающійся колосъ возражаетъ:

«Мой судъ — я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ — далъ мнѣ Римъ,
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
И съ ними всѣ народы — имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ...»

Новый міръ, устами Лиды, побѣдоносно заключаетъ:

«Мы странники въ земной юдоли,
И тайнъ Господнихъ никогда
Намъ не узнать!.. Проходитъ, да,
Проходитъ зримый образъ міра —
Но, Децій, міръ не погубить
Пришелъ Христосъ, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить.
. . . .
. . . . Прощать
Ты-бъ научился... да! прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье, — жизнь! — прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вѣчное!...»

И —

«Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!»

Это — послѣдній, всеразрѣшающій стихъ драмы!

Въ заключеніе мы должны еще указать на одну весьма важную сторону поэтической дѣятельности А. Н. Майкова. Эта сторона — воспитательная. Его переложенія сербскихъ былинъ; его поэма «Бальдуръ» —пѣснь о солнцѣ по сказаніямъ скандинавской Эдды; наконецъ его четырехъ-лѣтній

трудъ надъ «Словомъ о полку Игоревѣ», исполненный со всею добросовѣстностью изслѣдователя и чуткостью поэта,— трудъ, озарившій новымъ свѣтомъ этотъ дорогой памятникъ нашей древней литературы и сообщившій недостававшую ему цѣльность, все это, по нашему мнѣнію, прямыя и очень серьезныя услуги, оказанныя учащемуся юношеству, облегчающія ему проникнуть въ духъ глубокой народной старины нашей, и близкихъ намъ сосѣдей... Впрочемъ и вся поэзія Майкова можетъ считаться въ высшей степени воспитательною, по чистотѣ душевнаго строя, которымъ вся она проникнута и какъ-бы создавшаяся именно для нросвѣщенія духовныхъ силъ нашего молодого поколѣнія.

Stich u. Druck v. Weger Leipzig

IX.

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Трудно переносить въ жизни горе и бѣдность; но среди крайнихъ лишеній въ матеріальныхъ средствахъ у взрослаго человѣка раждается мысль о трудѣ самомъ усиленномъ, съ помощью котораго онъ льститъ себя надеждою поправить свои обстоятельства. Еще труднѣе бываетъ переносить недостатокъ, когда человѣкъ въ молодости не привыкъ жить бѣдно и съ самыхъ первыхъ годовъ жизни уже пользовался не только всѣмъ необходимымъ, но даже нѣкоторою роскошью. Но еще ужаснѣе бываетъ положеніе ребенка, рожденнаго и воспитаннаго въ богатомъ домѣ и потомъ вдругъ кинутаго судьбою въ омутъ нищеты и лишеній. Въ этомъ случаѣ для несчастнаго дитяти уже нѣтъ будущности, или лучше сказать будущность его зависитъ отъ произвола и случая. Кто поручится, что этотъ ребенокъ, будучи на рукахъ людей недостаточныхъ, можетъ избрать себѣ какую-либо прямую дорогу въ жизни, и наконецъ кто будетъ руководить имъ, когда еще прежде заботъ о воспитаніи и образованіи, раждается вопросъ о матеріальныхъ средствахъ? Тутъ обыкновенно забывается все: и воспитаніе и образованіе, а только и есть одна забота — о хлѣбѣ насущномъ. Въ случаѣ же смерти родителей, дѣти эти остаются совершенно

на произволъ судьбы. Что будетъ съ этимъ ребенкомъ—никто не знаетъ, и предвидѣть этого нельзя; тутъ уже дальнѣйшая судьба его зависитъ отъ случая, или лучше сказать отъ Провидѣнія. Оно имѣетъ своихъ избранниковъ, и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, надѣляетъ ихъ какимъ-то особеннымъ даромъ, въ видѣ необыкновенныхъ способностей, съ помощью которыхъ несчастному заброшенному ребенку удается пробить себѣ дорогу въ жизни. Вотъ обыкновенный процесъ проявленія таланта, хотя конечно есть и другія условія, при которыхъ дѣти, одаренныя особенными способностями, развиваются именно не въ ущербъ своего призванія и впослѣдствіи дѣлаются людьми высокоталантливыми.

Говоря объ И. К. Айвазовскомъ, нельзя не упомянуть вообще о положеніи безпомощности и сиротства въ юности нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей. Могло случиться, что предоставленный самому себѣ мальчикъ могъ быть забитъ нищетою, и вслѣдствіе этого, его способности никогда-бы не получили своего развитія.

Предки Айвазовскаго были выходцы съ востока и нѣкоторые поселились въ Галиціи, гдѣ и нынѣ существуетъ эта фамилія, а другіе, принявъ въ 1790 году подданство Россіи, поселились въ Крыму, въ томъ числѣ и отецъ нашего извѣстнаго художника-мариниста, родившагося тамъже, въ городѣ Өеодосіи, въ 1817 году.

Еще въ 1812 году, богатый негоціантъ Константинъ Григорьевичъ Айвазовскій, вслѣдствіе разныхъ неудачныхъ спекуляцій, совершенно разорился и все семейство его обречено было бѣдности.

Незавидна была судьба Ивана Константиновича въ первые годы его жизни, и не долго пользовался онъ родительскими попеченіями, такъ что наконецъ очутился среди усло-

вій, о которыхъ мы упомянули выше. Но судьба его была отчасти лучше, онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ градоначальника А. И. Казначеева, который опредѣлилъ его въ симферопольскую гимназію и сталъ наблюдать за развитіемъ ребенка. На четырнадцатомъ году въ мальчикѣ обнаружились способности къ живописи; особенно удивилъ всѣхъ его рисунокъ (перомъ) «Евреи въ синагогѣ». Этотъ рисунокъ на столько былъ хорошъ для его лѣтъ, что извѣстный въ то время архитекторъ Тончи рѣшился представить его Николаю I, и тотъ пожелалъ, чтобы Айвазовскій былъ опредѣленъ въ петербургскую академію художествъ на счетъ кабинета, что и послѣдовало въ 1832 году. Такимъ образомъ, молодой Айвазовскій сразу вступилъ на то поприще, куда влекло его призваніе, и это было большое для него счастіе, которое не всякому художнику выпадаетъ на долю. Иныхъ судьба бросаетъ въ совершенно противоположную среду, и нужно имѣть большой талантъ, чтобы не быть увлеченнымъ къ дѣятельности, несоотвѣтственной природнымъ наклонностямъ.

И такъ, Айвазовскій былъ опредѣленъ въ академію, гдѣ съ первыхъ-же дней всецѣло предался развитію своего дарованія. Понятно, что родившись и проведя первые годы жизни въ Крыму, среди роскошной природы, почти на самомъ берегу моря, молодой художникъ въ области искуства ничѣмъ такъ много не увлекался, какъ тою-же природою и въ особенности морскою стихіею, которая можно сказать взлелѣяла, воспитала и нянчила его съ самыхъ пеленокъ. Ничто не остается у насъ такъ въ памяти, ничто такъ не врѣзывается въ наше воображеніе, какъ обстановка, или условія жизни въ періодъ младенчества и юности. Всѣ симпатіи къ этой эпохѣ у обыкновенныхъ смертныхъ выражаются любовью къ родинѣ, или лучше сказать къ мѣсту рожденія, а у поэтовъ, и вообще у художниковъ, эта

любовь высказывается въ ихъ произведеніяхъ. Такъ было и съ Айвазовскимъ — талантъ увлекалъ его къ описанію моря, во всѣхъ видахъ и моментахъ движенія этой стихіи.

Ровно черезъ пять лѣтъ пребыванія въ академіи, Айвазовскій получилъ серебряную и золотую второй степени медали, а въ 1838 г. ему присуждена была и первая золотая медаль. Такіе успѣхи дали ему возможность въ 1840 году отправиться на казенный счетъ за границу, гдѣ въ 1843 году на парижской выставкѣ онъ также награжденъ былъ золотою медалью; а въ 1844 году избранъ почетнымъ членомъ амстердамской и венеціанской академій. Такимъ образомъ, спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ перваго шага къ серьезному занятію своимъ искуствомъ, Айвазовскій уже стяжалъ себѣ нѣкоторую славу нетолько въ Россіи, но и за границею, слѣдовательно оправдалъ надежды всѣхъ и въ особенности своихъ покровителей. Теперь ему слѣдовало возвратиться въ отечество и доказать, что Европа не ошиблась въ его дарованіи.

Возвратясь въ 1845 г. въ Россію, онъ былъ благосклонно принятъ Государемъ и получилъ заказъ написать для галереи запасной половины зимняго дворца множество картинъ, изображающихъ всѣ сѣверные и южные порты Чернаго моря и кромѣ того нѣсколько батальныхъ морскихъ картинъ, изображающихъ сраженія со шведами: подъ Ревелемъ, Красной Горкой, Гангутомъ и Свеаборгомъ, также Наваринскую битву. Нельзя не удивляться этому обилію сюжетовъ, выполненныхъ художникомъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, что вообще должно считать большимъ исключеніемъ въ области русскаго искуства, потому что весьма не многіе изъ нашихъ художниковъ отличаются такою плодовитостью при такомъ дарованіи. Вѣроятно суровая, холодная обстановка является причиною такой скудной производительности нашихъ мастеровъ: сравнительно они производятъ гораздо ме-

нѣе, нежели мастера запада. Но Айвазовскій составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи; его кисть ни на минуту не останавливается, производя постоянно безчисленное множество интересныхъ произведеній. Особенно съ 1847 по 1850 годъ, когда онъ получилъ званіе академика и професора, въ это время путешествуя, онъ написалъ весьма много картинъ на всевозможные сюжеты. Крымская война заставила его снова возвратиться въ отечество, и тутъ онъ написалъ «Синопское сраженіе» и большую картину «Буря 4 ноября подъ Балаклавою», въ которой изображенъ бѣдствующій непріятельскій флотъ. По окончаніи войны въ 1857 году, французская академія, не взирая на его враждебную національность, наградила его орденомъ почетнаго легіона (жюри были отъ академіи, но не отъ правительства Наполеона, что имѣетъ важное значеніе). Въ Россіи Айвазовскій также былъ щедро награжденъ по заслугамъ.

Нѣкоторые упрекаютъ И. К. Айвазовскаго въ томъ, что онъ мало удѣляетъ своего времени для Россіи и въ особенности для Петербурга, что по большей части, предаваясь своему творчеству, не имѣетъ здѣсь мастерской, своей школы и учениковъ, которые–бы могли воспользоваться его неуловимымъ жанромъ писать картины изумительно колоритныя, по отношенію къ водной стихіи. Одно время даже старались распустить слухъ, что онъ достигаетъ этого колорита съ помощью какого-то рисовальнаго секрета; но недавно професоръ, въ продолженіи двухъ часовъ, въ академіи написалъ цѣлую картину при ученикахъ, и блистательно доказалъ свои способности. Можно-ли также обвинять И. К. Айвазовскаго въ томъ, что онъ не живетъ въ Петербургѣ? Неужели онъ долженъ промѣнять свою блестящую Ѳеодосію на нашъ пасмурный Петербургъ, ради того только, чтобы учить здѣсь искуству; но развѣ учить онъ не можетъ и

тамъ? Его мастерская открыта для всѣхъ желающихъ и онъ имѣетъ много замѣчательныхъ художниковъ-послѣдователей его школы; въ числѣ ихъ можно назвать Лагоріо, Куинджи и др.

И. К. Айвазовскій горячо любитъ свою родину; всѣ его лучшія произведенія изображаютъ именно родимыя мѣста: Крымъ, съ его приморскими берегами, съ окружающей его водною стихіею; и можно-ли упрекать художника, создавшаго столько прелестныхъ морскихъ видовъ, въ томъ, что онъ все лѣто проводитъ среди этихъ живыхъ картинъ своего вдохновенія, а на зиму уѣзжаетъ въ иныя, болѣе теплыя страны? Это ни сколько не мѣшаетъ ему быть хорошимъ гражданиномъ, патріотомъ. Въ Ѳеодосіи, напримѣръ, заботами Ивана Константиновича Айвазовскаго воздвигнутъ музей древностей, куда онъ пожертвовалъ также пять большихъ картинъ своихъ, и гдѣ, въ память знаменитаго кавказскаго героя 1811—1812 годовъ Петра Степановича Котляревскаго, помѣщается часовня. Развѣ это не услуга родинѣ, развѣ это не гражданскій подвигъ?

Говоря объ И. К. Айвазовскомъ, какъ о художникѣ по отношенію къ успѣхамъ его въ жизни, слѣдуетъ замѣтить, что ему выпала счастливая доля еще во очію испытать всѣ радости, которыя приноситъ съ собою творчество. Его произведенія всѣми покупаются за хорошія деньги и онъ видимо, осязательно для себя, пользуется плодами своего вдохновенія; не то бываетъ съ другими художниками, которыхъ произведенія оцѣниваются только послѣ ихъ смерти, а въ жизни они испытываютъ однѣ неудачи и даже иногда умираютъ съ голоду, или окончательно бросаютъ свое призваніе, забитые нуждою. Мастерская кисть часто выручала Ивана Константиновича изъ весьма плохихъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, однажды ему дали знать, что въ имѣніи его стадо овецъ, болѣе тысячи головъ, было унесено въ морѣ ураганомъ,

и Айвазовскій, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, вскорѣ-же написалъ картину бросившихся въ море овецъ, которая пріобрѣтена въ Англіи за такую сумму, что потеря его вчетверо была вознаграждена картиною. Въ другой разъ управляющій доносилъ ему о весьма плохомъ урожаѣ; Айвазовскій написалъ извѣстную картину «Урожай въ Малороссіи», изобразивъ поле, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ телега, а подъ тѣнью ея спятъ умаявшіяся крестьянки. И эта картина вознаградила его за всѣ убытки отъ неурожая. Такова сила его искуства въ матерьяльномъ отношеніи; къ сожалѣнію, не многіе артисты бываютъ такъ счастливы при жизни.

Путешествуя за границею, Айвазовскій устроивалъ выставки и всѣ онѣ по большей части имѣли большой успѣхъ; такъ напримѣръ въ 1873 году во Флоренціи его выставка была такъ хорошо принята, что дирекція флорентійской галереи пожелала портретъ его, написанный имъ-же, помѣстить во дворцѣ, въ числѣ извѣстныхъ художниковъ, гдѣ изъ нашихъ живописцевъ находился только одинъ портретъ Кипренскаго. Въ 1875 году И. К. Айвазовскій былъ приглашенъ въ Константинополь, гдѣ ему оказанъ самый любезный пріемъ, и султанъ пріобрѣлъ болѣе 35 картинъ его, приславъ ему кромѣ того звѣзду Османіе. Въ прошлую зиму въ Петербургѣ также была выставка его новыхъ картинъ, изъ которыхъ самая большая (буря у мыса Айи) подарена имъ академіи, нѣкоторыя куплены въ Россіи, а семь картинъ посланы на выставку въ Америку. Вслѣдъ за тѣмъ, картины нашего замѣчательнаго художника-мариниста будутъ выставлены въ Варшавѣ, Лондонѣ и Америкѣ. Этому тріумфу русскаго художника нельзя не порадоваться.

ع

X.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Въ небольшой и просто убранной комнатѣ сидѣла задумавшись женщина средних лѣтъ, у ногъ ея на полу тихо и сосредоточенно занимался четырехъ-лѣтній мальчикъ. Около него лежало нѣсколько щепокъ; онъ бралъ нѣкоторыя, обстрагивалъ ихъ перочиннымъ ножикомъ, соединялъ вмѣстѣ, потомъ натягивалъ на нихъ нитки и наконецъ соорудилъ какой-то непонятный предметъ, отчасти похожій на скрипку. Тогда малютка сталъ своими ручёнками трогать по ниткамъ—послышались звуки... Женщина обернулась къ ребенку и съ удивленіемъ долго смотрѣла на его забавы. Наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло, она съ притворнымъ недоумѣніемъ спросила:

— Что это ты состроилъ, Антоша?

— Скрипку, мама, серьезно отвѣчалъ онъ. — Слушай, хорошо-ли это?... Я тебѣ буду играть...—продолжалъ мальчикъ и, принявъ позу, онъ сталъ пальчиками воспроизводить на своемъ инструментѣ одну изъ тѣхъ мелодій, которыя часто приходится слышать на улицѣ отъ бродячихъ шарманщиковъ. Женщина съ невольнымъ трепетомъ устремила взглядъ на мальчика и слушала, боясь перевести дыханіе. Когда же одна изъ нитокъ на инструментѣ ослабѣла

и ея виртуозъ прекратилъ игру, чтобы привести свою скрипку въ порядокъ,—слезы хлынули ручьемъ изъ ея глазъ и, схвативъ ребенка, она порывисто принялась осыпать его поцѣлуями, а слезы лились все больше и наконецъ вызвали громкія рыданія.

— Кто-же тебя, моего голубчика, научитъ этому искуству? Кто будетъ заниматься съ тобою, когда у насъ нѣтъ теперь никакихъ средствъ; мы все теряемъ, съ отцомъ твоимъ, все!... И она еще съ бо́льшимъ увлеченіемъ осыпала его поцѣлуями, то прижимая къ себѣ, то глядя ему въ лицо и расправляя его волосы. Мальчикъ кротко сидѣлъ у ней на колѣняхъ, изрѣдка поглядывая на оставленную скрипку, недоумѣвая, о чемъ плачетъ мать, когда ему такъ хорошо, такъ пріятно заниматься со своею музыкальною игрушкою, что пожалуй онъ отъ всего-бы отказался, только бы играть и играть!...

Кто-же были дѣйствующими лицами этой семейно-драматической картины? Рубинштейнъ и его мать.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ родился 18 ноября 1830 года въ мѣстечкѣ Вехвотинецъ, въ Бессарабіи. Его отецъ былъ довольно состоятельный человѣкъ и имѣлъ въ Москвѣ свою карандашную фабрику, но обстоятельства скоро измѣнились къ худшему и всему семейству угрожала нищета. Дѣла шли все хуже, вслѣдствіе чего и здоровье отца Рубинштейна почти совершенно разстроилось, такъ что мать, принявшая на себя всѣ хлопоты по фабрикѣ, съ ужасомъ смотрѣла на будущность своихъ дѣтей, которымъ не могла дать хорошаго воспитанія; особенно она приходила въ отчаяніе, глядя на развивающіяся музыкальныя способности Антона. Она не находила себя достаточно подготовленной, чтобы самой заняться съ ребенкомъ, а между тѣмъ платить за уроки учителямъ не было рѣшительно никакихъ

средствъ. Все-таки, когда мальчику исполнилось шесть лѣтъ, она кое-какъ купила за дешевую цѣну плохое старое фортепіано и начала сама заниматься съ дѣтьми. По понятіямъ того времени, она была отличная музыкантша; но, обладая замѣчательнымъ слухомъ, она въ тоже время не имѣла никакого понятія ни о музыкальной теоріи, ни о методѣ преподаванія. Для руководства она однако пріобрѣла нѣсколько школъ фортепіанной игры и при помощи ихъ начала заниматься съ сыновьями.

Такъ прошло два года. Когда Антону Григорьевичу исполнилось восемь лѣтъ, знакомые матери представили его извѣстному фортепіанисту Виллуану, который, услыхавъ игру маленькаго піаниста, пришелъ въ такой восторгъ, что предложилъ заниматься съ нимъ даромъ. Подъ руководствомъ этого опытнаго и преданнаго своему дѣлу музыканта, А. Рубинштейнъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что десяти лѣтъ уже игралъ въ Парижѣ при знаменитомъ композиторѣ Шопенѣ. Неудивительно, что, видя въ мальчикѣ геніальнаго піаниста, Шопенъ поднялъ его на руки, цѣловалъ и предсказалъ ему великую будущность. Вслѣдъ за тѣмъ Виллуанъ разъѣзжалъ съ Рубинштейномъ въ продолженіи двухъ лѣтъ по Европѣ, съ артистическою цѣлію, и вездѣ успѣхъ былъ громадный, всѣ удивлялись необыкновенному таланту одинадцатилѣтняго виртуоза.

Наконецъ въ 1842 году Рубинштейнъ вернулся въ Россію, и тутъ уже слава его упрочилась, особенно когда слухъ о талантливомъ мальчикѣ дошелъ ко двору, въ блестящую эпоху царствованія Николая I. Маленькій виртуозъ былъ обласканъ Государемъ и его августѣйшею супругою. Часто, во время музыкальныхъ празднествъ при дворѣ, Николай Павловичъ, во время антрактовъ, когда публика удалялась изъ залы, оставаясь одинъ съ Рубинштейномъ, за-

давалъ ему различныя, любимыя свои темы, на которыя юному артисту приходилось импровизировать цѣлыми часами. Это монаршее покровительство заронило въ душѣ Рубинштейна искру твердой увѣренности въ своихъ силахъ, что, какъ извѣстно, плодотворно дѣйствуетъ на развитіе художника.

И вотъ, пробывъ въ Россіи зимній сезонъ, послѣ блестящихъ концертовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ отправился съ матерью въ Берлинъ, гдѣ она хотѣла посовѣтоваться съ Мейерберомъ и Мендельсономъ на счетъ дальнѣйшаго музыкальнаго развитія сына. Въ это время отцу Рубинштейна сдѣлалось хуже, вслѣдствіе чего присутствіе жены было необходимо въ Москвѣ и—мальчикъ остался въ Берлинѣ совершенно одинъ. Мейерберъ, прослушавъ его, нашелъ, что онъ не нуждается болѣе въ руководителѣ фортепіанной игры, а теоріей предложилъ съ нимъ заниматься самъ, что и дѣлалъ въ теченіи нѣкотораго времени.

Въ 1844 г. Рубинштейнъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ въ то время находился Листъ, который также былъ того мнѣнія, что для артиста необходимо развиваться самостоятельно. Это была первая встрѣча Антона Григорьевича съ знаменитымъ европейскимъ піанистомъ-импровизаторомъ, не имѣвшимъ соперниковъ. Но узналъ-ли Листъ, что въ юномъ его посѣтителѣ созрѣваетъ талантъ, который долженъ ему наслѣдовать? И дѣйствительно, говоря объ А. Г. Рубинштейнѣ, какъ о піанистѣ-исполнителѣ, нельзя не признаться, что послѣ Листа, онъ занимаетъ первое мѣсто. Даже отъявленные антагонисты его, какъ А. Н. Сѣровъ, и тотъ слушая его игру приходилъ въ непритворный восторгъ, говоря, что въ смыслѣ исполненія, ничего лучшаго не слыхалъ. Между тѣмъ отецъ Рубинштейна умеръ и мальчикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, перебиваясь кое-какъ уроками

и участіемъ въ качествѣ пѣвчаго въ церковныхъ хорахъ. Къ этому времени относятся его первыя, преимущественно фортепіанныя сочиненія, заслужившія лестные отзывы, издававшаго въ то время «Zeitschrift für Musik», Шумана.

Въ 1846 г. Рубинштейнъ вернулся въ Россію, но на границѣ, вслѣдствіе безпорядка въ бумагахъ, его приняли за подозрительную личность и конфисковали всѣ его неизданныя сочиненія, которыя не возвращены ему и понынѣ. Здѣсь, въ своемъ отечествѣ, отъ небольшихъ сочиненій, преимущественно фортепіанныхъ, Антонъ Григорьевичъ приступилъ къ созданію болѣе серьезныхъ артистическихъ произведеній; онъ написалъ первую оперу свою «*Куликовская битва*», которая была поставлена въ Петербургѣ на сцену, подъ управленіемъ самого композитора; но опера эта особеннаго успѣха не имѣла, и въ послѣдствіи сгорѣла съ партитурой и партіями, не будучи еще напечатана. Впрочемъ эта потеря не особенно печалила автора, такъ какъ онъ самъ признавалъ эту оперу своей первой неумѣлой попыткой въ драматической музыкѣ. Послѣ того онъ написалъ оперы: «*Дѣти степей*» (Die Kinder der Haide), поставленную въ Вѣнѣ и затѣмъ въ Прагѣ и Москвѣ,— «Feramors»—въ Веймарѣ и въ Дрезденѣ, и ораторію «*Потерянный рай*»—въ Кенигсбергѣ, Дюссельдорфѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ. Кромѣ того, въ это время имъ написаны: три симфоніи, три фортепіанныхъ концерта, одинъ скрипичный концертъ, три тріо, нѣсколько струнныхъ квартетовъ, двѣ сонаты для фортепіано со скрипкой, двѣ—съ віолончелью, цѣлая масса мелкихъ фортепіанныхъ піесъ и нѣсколько тетрадей (Lieder) для разныхъ голосовъ.

Къ началу пятидесятыхъ годовъ слѣдуетъ отнести знакомство Антона Григорьевича съ Сѣровымъ, которое однако вскорѣ превратилось во вражду этихъ двухъ русскихъ му-

зыкальныхъ дѣятелей, разошедшихся во взглядахъ. Но тѣмъ не менѣе, оба они, какъ представители русскихъ музыкантовъ, не могли безъ сожалѣнія думать о томъ, что въ нашемъ отечествѣ въ то время не существовало рѣшительно никакого специально-учебнаго музыкальнаго учрежденія. Сѣровъ съ жаромъ высказывалъ предъ молодымъ Рубинштейномъ потребность основанія музыкальнаго университета, а тотъ со всѣмъ пыломъ молодости предался этой мысли и не переставалъ хлопотать о ея осуществленіи. Сѣровъ въ это время трудился надъ своею «Юдиѳью» и отвернулся отъ Антона Григорьевича, выражая, что тотъ хочетъ создать на Руси нѣмецкую музыкально-схоластическую колегію,— однимъ словомъ возвелъ его чуть-ли не въ предателя родного искуства. Тутъ началась его полемика, восхвалявшая безплатную Ломакинскую музыкальную школу и бросающая невыгодный свѣтъ на попытки учредить консерваторію. Артистическое чутье не обманывало его: дѣйствительно консерваторія могла создать чуждую нашему искуству схоластическую форму, но не слѣдуетъ забывать, что въ главѣ этого учрежденія хотѣлъ стать такой безупречный, искренный артистъ, какъ А. Г. Рубинштейнъ, который, благодаря своей энергіи, никогда не могъ позволить развиться схоластикѣ, и, который тотчасъ оставилъ консерваторію, лишь только замѣтилъ подобное направленіе въ средѣ своихъ сподвижниковъ.

Какъ бы то ни было, но благодаря своей артистической славѣ и покровительству двора, Рубинштейнъ могъ наконецъ осуществить свою завѣтную мысль, – въ 1859 году основалось Русское Музыкальное Общество, которое начало свою дѣятельность цѣлою серіею концертовъ; а во дворцѣ президента этого общества, великой княгини Елены Павловны, открылись классы хорового пѣнія и лекціи элементар-

ной теоріи музыки. Чрезъ три года, а именно 8 сентября 1862 г. наконецъ основана на частныя средства, подъ августѣйшимъ покровительствомъ Княгини, первая русская консерваторія, директоромъ которой былъ избранъ А. Г. Рубинштейнъ. Тутъ началась его неутомимая дѣятельность на пользу русскаго музыкальнаго просвѣщенія, и нельзя не согласиться, что въ этой должности онъ не переставалъ быть артистомъ въ душѣ, вопреки увѣреніямъ противуположнаго лагеря. Доступъ къ нему былъ открытъ для всякаго желающаго посвятить себя дѣлу искуства, всякому онъ готовъ былъ подать руку и дать возможность, даже за неимѣніемъ средствъ, безплатно заниматься въ консерваторіи подъ его руководствомъ. Однако нѣкоторые изъ его сотрудниковъ не поняли артистическаго отношенія къ дѣлу и, вопреки инициативѣ, хотѣли водворить въ консерваторіи духъ безцвѣтной схоластики. Рубинштейнъ боролся съ ними и трудился на сколько у него хватало силъ.

Вмѣстѣ съ должностью директора, Антонъ Григорьевичъ велъ классы: фортепіанной игры, композиціи, инструментовки, оркестровой игры, транспонировки, чтенія съ листа, игры ансабль и хорового пѣнія При такомъ постоянномъ общеніи въ средѣ учениковъ, понятно, что Рубинштейнъ зналъ не только по фамиліи всѣхъ учениковъ, но и слѣдилъ за успѣхами и развитіемъ каждаго. Вотъ почему неудивительно, что его дѣятельность принесла самые благопріятные результаты, и послѣ него образовалась цѣлая плеяда созданныхъ имъ техниковъ-теоретиковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, каковы: Кроссъ, Ларошъ, Альбрехтъ, Чайковскій, Губертъ, Салинъ, Пановъ, Путиловъ, Насорговъ, Терминская, Смирягина, Щетинина, Лавровская, Ирецкая, Левицкая, Хвостова, Клеммъ и Минквицъ, которые всѣ получили музыкальное развитіе подъ непосредственнымъ руко-

водствомъ Антона Григорьевича. Но скоро безпристрастное служеніе его дѣлу искуства было парализовано коалиціею противъ него недовольныхъ имъ лицъ. Совершился фактъ, который часто повторяется не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ, — фактъ самаго неблагодарнаго отношенія къ заслугамъ человѣка, принесшаго очевидную пользу. Представители схоластики, противъ которыхъ Рубинштейнъ такъ мужественно боролся, наконецъ одолѣли его, и онъ, вслѣдствіе разногласія съ комитетомъ, не захотѣлъ болѣе оставаться въ консерваторіи. Такъ какъ дѣло музыкальнаго образованія въ Россіи еще только начиналось, то естественно, что Рубинштейнъ желалъ какъ можно лучше упрочить его и вселить къ нему довѣріе, для чего рѣшился наградить дипломами на званіе свободнаго художника только болѣе достойныхъ учениковъ, зарекомендовавшихъ себя отличными музыкантами. Такимъ образомъ, во второмъ выпускѣ, онъ согласенъ былъ подписать дипломы только семи ученикамъ, остальные же професоры желали дать дипломы девятнадцати ученикамъ, и не смотря на то, что ученики эти, вѣрившіе безусловно Рубинштейну, сами отказывались отъ награды, ихъ все-таки заставили взять дипломы, а директору не дали подписать ни одного диплома даже тѣмъ, кого онъ признавалъ дѣйствительно достойными. И вотъ, послѣ семи лѣтъ неустаннаго служенія во главѣ музыкальнаго общества, душой и тѣломъ преданный этому дѣлу, Антонъ Григорьевичъ долженъ былъ оставить консерваторію, основанную по его иниціативѣ, не подписавъ ни одного диплома и оплакиваемый всѣми учениками.

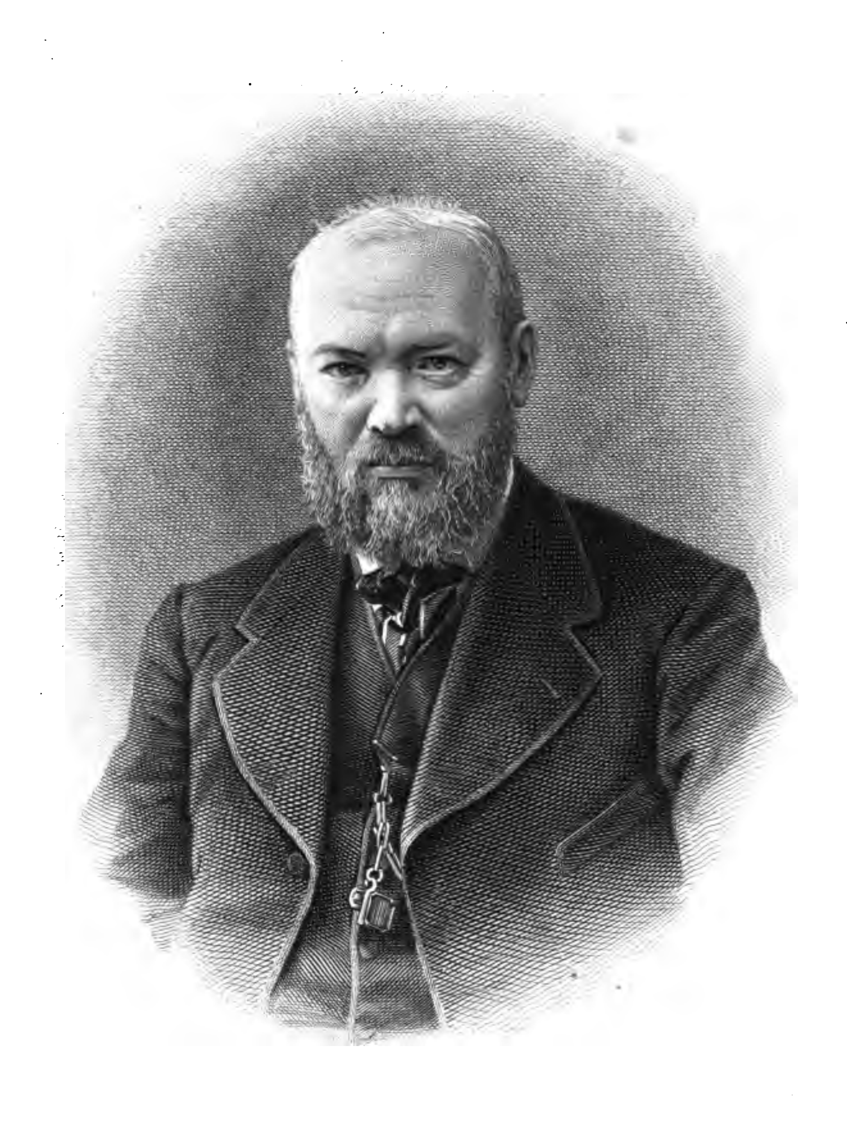
Передъ выходомъ изъ консерваторіи въ 1867 году, Рубинштейнъ наглядно далъ понять результатъ своихъ неутомимыхъ трудовъ въ дѣлѣ музыкальнаго образованія, первымъ оперныль представленіемъ «Орфея» (Глюка) въ Михай-

ловскомъ дворцѣ, въ день тезоименитства августѣйшей покровительницы Общества. Солистки: Лавровская, Ирецкая и Клеммъ, хористы и оркестръ,—все было составлено изъ учениковъ консерваторіи, и опера разучена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Этимъ блестящимъ представленіемъ Антонъ Григорьевичъ какъ бы закончилъ свою педагогическую дѣятельность. Въ примѣръ его безкорыстнаго служенія своему дѣлу, можно привести слѣдующій фактъ. Какъ директоръ и какъ професоръ, онъ получалъ 3,000 р., и изъ этихъ денегъ еще платилъ по 100 р. за тѣхъ, кто учился на духовыхъ инструментахъ—ихъ было 9 человѣкъ. Кромѣ управленія консерваторіею, онъ дирижировалъ концертами Музыкальнаго общества безвозмездно; давались они въ залѣ городской думы и благороднаго собранія, числомъ десять въ сезонъ; членовъ посѣтителей бывало до 600 человѣкъ, тогда какъ нынѣ бываетъ только пять концертовъ и членовъ посѣтителей только 70.

Въ теченіи своего семилѣтняго служенія русскому музыкальному обществу, Антонъ Григорьевичъ, за недостаткомъ времени, почти не давалъ концертовъ и писалъ мало. По выходѣ же изъ консерваторіи онъ три года разъѣзжалъ по Европѣ и по Россіи; затѣмъ годъ жилъ въ Америкѣ и наконецъ въ 1873 г. поселился въ Петергофѣ, на своей дачѣ. Въ это время онъ написалъ оперы: «Демонъ», поставленную у насъ въ Петербургѣ въ 1875 г., и «Маккавеевъ», поставленную въ томъ же году въ Берлинѣ, а въ 1876 г. въ Прагѣ, въ Вѣнѣ и Гамбургѣ; ораторію «Столпотвореніе Вавилонское», исполненную въ Кенигсбергѣ; одинъ концертъ для фортепіано, одинъ для віолончеля, одно тріо и много мелкихъ піесъ для фортепіано и пѣнія. Въ настоящее время Антонъ Григорьевичъ окончилъ новую оперу «Неронъ», принятую на берлинскую и парижскую сцены. Не странно ли, почему новая опера русскаго композитора не ставится

прежде въ Россіи, а за границей? Неужели и тутъ встрѣчается противодѣйствіе со стороны театральнаго міра? Впрочемъ нечему удивляться, что у насъ туго покровительствуютъ отечественному искуству, и артисту легко можетъ прійти на мысль писать оперу съ иноземнымъ текстомъ. Но можетъ быть послѣ постановки «Нерона» за границею, мы также въ будущемъ сезонѣ услышимъ эту оперу и на родной сценѣ—иначе русскіе композиторы и ихъ произведенія сдѣлаются извѣстны намъ только по газетнымъ слухамъ.

прежде
чае
чем
ют
ти
жет
тағ
ноі
сдѣ

А. Островскій

XI.

Александръ Николаевичъ Островскій.

Много на Руси нетронутыхъ богатствъ, много земля наша заключаетъ въ себѣ еще непочатыхъ, необработанныхъ сокровищъ, много еще русскому человѣку придется развиваться, учиться и совершенствоваться, не потому чтобы онъ уже слишкомъ отсталъ отъ другихъ націй, но потому, что ему принадлежитъ обширная будущность, какъ представителю позднѣйшей цивилизаціи, какъ человѣку новому, съ новимъ полетомъ, съ новыми мыслями и новыми талантами. Тѣ народы, отъ которыхъ мы заимствовали основныя начала просвѣщенія, принесли уже на алтарь наукъ и искуствъ плоды своего развитія; мы же еще только подготовляемся къ этому, мы зрѣемъ. Среди стремленія къ просвѣщенію, не трудно однако замѣтить, что у насъ далеко не первое мѣсто занимаетъ тотъ родъ литературы, который всѣ прочіе народы признавали самымъ высокимъ родомъ творчества, именно родъ поэзіи драматической. Не смотря на весьма замѣтное развитіе у насъ литературной дѣятельности вообще, мы еще не вполнѣ сознаемъ великое значеніе драматургіи. Масса народа съ жадностью наслаждается театральными зрѣлищами, и между тѣмъ творцы драматическихъ представленій у насъ немногочисленны. Въ этой высокой

области поэзіи не могло еще у насъ создаться много великихъ, сильныхъ талантовъ, не могло создаться такой драматической литературы, которая имѣла бы общечеловѣческое значеніе. У насъ есть писатели, сочиненія которыхъ интересны только для насъ, русскихъ, потому, что сюжеты ихъ произведеній взяты исключительно изъ русской жизни, но у насъ нѣтъ писателей, которые имѣли бы европейскую извѣстность съ точки зрѣнія общечеловѣческой. Мы слишкомъ мелко исчерпываемъ рудникъ драматическаго творчества, вдаемся болѣе въ описаніе внѣшней стороны русскаго человѣка, нежели заглядываемъ въ его сердце, какъ человѣка въ обширномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ наша современная драматическая литература, по отношенію къ иностранной, имѣетъ значеніе только для насъ; но въ смыслѣ художественности, прямого, всесторонняго отношенія къ дѣлу, совершенно чужда западу. Въ комедіяхъ и даже драмахъ мы снимаемъ съ себя портреты, создаемъ уродливые типы, чтобы вдоволь насмѣяться надъ ними, и удивляемся, какъ вѣрно намъ удается срисовать самихъ себя съ внѣшней стороны, забывая при этомъ иногда заглянуть въ душу изображаемыхъ лицъ. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу является то, что зритель, насмѣявшись вдоволь въ театрѣ, часто ничего изъ него не выноситъ и признаетъ за сценою только смѣхотворное значеніе; а о возвышенныхъ цѣляхъ искуства, о его поучительномъ, высоконравственномъ достоинствѣ и не думаетъ. Обычай рисовать картины мѣстныхъ нравовъ вкоренился между драматическими писателями.

Къ числу особенно талантливыхъ драматическихъ писателей нашего времени слѣдуетъ отнести А. Н. Островскаго, родившагося въ Москвѣ 30 марта 1824 года. Окончивъ гимназическій курсъ въ московской 1-й гимназіи, онъ поступилъ въ тамошній университетъ, гдѣ оставался не долго

и затѣмъ перешелъ на службу мелкимъ чиновникомъ въ московскій комерческій судъ, откуда, выйдя вскорѣ въ отставку, весь отдался литературной дѣятельности, первые опыты которой весьма сочувственно встрѣчены были критикой и публикой. Дѣятельность Островскаго является прямымъ продолженіемъ дѣятельности Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя, хотя онъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ менѣе заботился о внутреннемъ содержаніи, а стремился къ внѣшней отдѣлкѣ своихъ сюжетовъ въ ущербъ общей идеѣ. Фонвизинъ яркими красками изобразилъ въ «Недорослѣ» бытъ и нравы современнаго ему общества помѣщиковъ дворянъ. Гоголь нарисовалъ живую, геніальную картину провинціальнаго чиновничьяго міра. Грибоѣдовъ еще художественнѣе изобразилъ типы московскаго дворянства высшаго полета, служащаго и прислуживающаго. Оставался незатронутымъ міръ купеческаго сословія, и нашъ драматургъ мастерски изобразилъ этотъ міръ, откуда сталъ черпатъ сюжеты для своихъ произведеній. Конечно у него не было той мощи таланта, какъ у его предшественниковъ, изъ которыхъ каждый однимъ ударомъ поразилъ все, что хотѣлъ, однимъ произведеніемъ сказалъ все, что было нужно. Такой шириною творческаго размаха Островскій не обладалъ: онъ долженъ былъ размѣняться на цѣлый циклъ однородныхъ, почти односюжетныхъ произведеній. Отсюда вытекаютъ общія мѣста, невыдержанныя сцены, собственно потому, что свою идею высказалъ онъ отрывками, частями, повторяя ее въ нѣсколькихъ произведеніяхъ. Но въ то же время его піесы отличаются и весьма замѣтными, блестящими достоинствами, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ глубокое знаніе изображаемаго имъ быта. Жизнь купечества, какою онъ изображаетъ ее въ своихъ комедіяхъ и драмахъ, вѣрна до послѣднихъ мелочей; типы, которые онъ рисуетъ,

правдивы въ высшей степени. Другимъ несомнѣннымъ достоинствомъ піесъ Островскаго является языкъ дѣйствующихъ лицъ, дотого типичный, живой и правдивый, что невольно переселяетъ зрителя въ изображаемую авторомъ среду и онъ видитъ, какъ живетъ своеобразное купеческое общество.

Но если слогъ Островскаго такъ художественъ, комедіи его не всегда безупречны, какъ драматическія произведенія. Это зачастую не піесы, а бойкіе, талантливые очерки, картинки, иногда имѣющіе лишь этнографическое значеніе; нѣкоторыя изъ нихъ даже не сценичны, страдаютъ длиннотами, вводными эпизодическими сценами и лицами; интрига, замыселъ піесы иногда слабы. Исключеніемъ является его пятиактная драма «Гроза», гдѣ, полный драматизма сюжетъ, въ высшей степени свѣтлая, гуманная идея, строгая законченность въ цѣломъ и художественная отдѣлка въ подробностяхъ, наконецъ характерные, правдивые типы и, главное, поэтическая личность Катерины,—все соединилось въ этой драмѣ, чтобъ сдѣлать ее безупречнымъ, первокласснымъ произведеніемъ. За одну такую піесу Островскому можно простить все, что у него есть слабаго, недодѣланнаго. Такими же достоинствами отличается и другая, лучшая комедія его «Воспитанница».

А. Н. Островскій выступилъ на литературное поприще небольшою піесою «Семейная картина», написанною имъ въ 1847 году. Затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ написалъ «Сцены изъ замоскворѣцкой жизни», и разсказъ: «Очерки Замоскворѣчья». Но первымъ капитальнымъ трудомъ его является въ 1850 году комедія «Свои люди сочтемся», полная, вполнѣ художественная, мастерская картина нравовъ купечества. Въ 1852 г. появилось его второе большое произведеніе «Бѣдная невѣста», въ которомъ авторъ такъ же вѣрно и рельефно изобразилъ нравы среднихъ и чиновни-

чьихъ сословій. При всей обдуманности плана, при серьезныхъ достоинствахъ, комедія эта впрочемъ не вездѣ выдерживаетъ строгую критику. Въ 1853 и 1854 годахъ появились его комедіи: «Не въ свои сани не садись» и «Бѣдность не порокъ», а вслѣдъ за ними народная драма: «Не такъ живи какъ хочется», комедія: «Въ чужомъ пиру похмѣлье», и картины: «Не сошлись характерами», «Праздничный сонъ—до обѣда» и «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь». Изъ всѣхъ этихъ произведеній болѣе выдержаны комедіи. Въ 1857 году А. Н. Островскій написалъ комедію: «Доходное мѣсто», имѣвшую громадный успѣхъ, благодаря искусно затронутому, живому, современному вопросу и ловко обрисованнымъ темнымъ чертамъ чиновничества. Въ это же время появляются его сцены: «Свои собаки грызутся» и «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», — піесы легкаго содержанія. Наконецъ въ 1859 г. Александръ Николаевичъ создалъ высокохудожественную драму «Грозу», удовлетворяющую эстетическому вкусу во всѣхъ отношеніяхъ, и прекрасную драму «Воспитанница». Это былъ вѣнецъ его творческаго таланта, произведенія, свидѣтельствующія, что Островскій могъ создать много истинно-драматическихъ, выдержанныхъ и полныхъ поэтической прелести произведеній. Къ сожалѣнію, онъ уклонился отъ этого пути и размѣнялъ свое дарованіе на цѣлый рядъ незатѣйливыхъ драматическихъ картинъ обличительнаго свойства. Самъ авторъ казалось понималъ это, написавъ: «Тяжелые дни» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», гдѣ дѣлаетъ крутой поворотъ къ собственно драматической формѣ; но эти произведенія являются далеко не схожими по идеѣ и выполненію съ «Грозою».

Послѣ этихъ прекрасныхъ произведеній, Островскій вдругъ перемѣнилъ родъ дѣятельности и сталъ писать историческія хроники. Къ такимъ хроникамъ принадлежатъ: «Козьма Ми-

нинъ», 1860 г., «Воевода», 1863 г., «Дмитрій Самозванецъ», 1867 г. и «Василиса Мелентьева», 1868 г. Лучшая изъ нихъ «Воевода», потому что это скорѣе бытовое произведеніе, нежели чисто историческая хроника. Въ то же время Островскій продолжалъ писать произведенія комическаго и анекдотическаго характера: «Тяжелые дни», «Шутники», «Пучина», «Горячее сердце», «Лѣсъ» и др. Всѣ они значительно слабѣе предъидущихъ произведеній и представляютъ чисто внѣшній интересъ живыхъ сценъ и блестящаго изложенія. Этотъ родъ сценическихъ произведеній Островскій завершилъ своими послѣдними комедіями: «Не все коту масляница», «Богатая невѣста», «Бѣшеныя деньги» и «Волки и овцы».

Мы далеко не считаемъ дѣятельность Островскаго конченною и надѣемся, что онъ не перестанетъ обогащать своими произведеніями русскую сцену.

15-го марта 1872 года праздновали годовщину двадцатипятилѣтней сценической дѣятельности талантливаго писателя. Приведемъ стихи, написанные юбиляру В. Р. Зотовымъ:

Александръ Николаичъ Островскій!
На Руси ваше имя гремитъ.
Любитъ васъ добрый людъ нашъ московскій,
Петербургъ уважаетъ и чтитъ.
На Невѣ и въ Сибири далекой,
Гдѣ театръ нашъ отъищетъ пріютъ,
Распахнетъ свои двери широко —
Всюду ваши піесы даютъ.
И вездѣ-то имъ первое мѣсто,
И вездѣ и привѣтъ и почетъ.
«Свои люди», «Гроза» и «Невѣста»
Восхищаютъ нашъ русскій народъ.
Ваши типы онъ цѣнитъ и знаетъ,
Ваше имя въ устахъ у молвы.
Оттого васъ народъ понимаетъ,
Что его понимаете вы;

Что въ созданьяхъ поэта родного
Правды жизненной блещетъ струя,
И что эти Брусковы, Торцовы —
Все своя же, родная семья.
Четверть вѣка вы честно трудились,
Поучали со сцены вы насъ,
Съ недостатками нашими бились,
Надъ роднымъ самодурствомъ смѣясь.
Надъ неправдой безсильны законы,
Но въ піесахъ карали вы ложь.
Принесли вы театру мильоны,
А себѣ заработали грошъ.
Да тотъ грошъ заработанъ талантомъ
И тяжелымъ, упорнымъ трудомъ.
Этотъ трудъ не сродни спекулянтамъ,
А писателямъ русскимъ знакомъ.
Пусть же долго народомъ любимый,
Дорогой намъ писатель живетъ,
А въ исторіи сцены родимой
И теперь онъ вовѣкъ не умретъ.

Кромѣ несомнѣнно важныхъ заслугъ на литературно-драматическомъ поприщѣ, А. Н. Островскій оказалъ еще весьма полезную дѣятельность, какъ основатель и предсѣдательствующій членъ общества русскихъ драматическихъ писателей. Почти до нашего времени драматическіе писатели ничѣмъ не были обезпечены въ смыслѣ матеріальнаго вознагражденія за свои труды, они даже не были собственниками того, что производили; трудились для общества, а оно ничѣмъ ихъ не вознаграждало, развѣ только рукоплесканіями и похвалою. Всѣ прочіе писатели, печатая въ журналахъ, или издавая отдѣльно свои сочиненія, знали, что никто не можетъ безвозмездно пользоваться ихъ литературною собственностью, совершенно другая участь постигала произведенія драматическія — они какъ живой товаръ переходили изъ рукъ въ руки, съ театра на театръ, и никто даже не думалъ спра-

шивать автора согласенъ-ли онъ дать свое сочиненіе въ безвозмездное пользованіе. Правда, дирекція императорскихъ театровъ нѣкоторымъ образомъ вознаграждала авторовъ ничтожною поспектакльною платою, въ количествѣ $^1/_{10}$ части съ $^2/_3$ сбора; но остальные театры безъ стѣсненія пользовались даровою постановкою піесъ. При отсутствіи здравой оцѣнки и пониманія великаго значенія драматической литературы, естественно не могло и создаться какихъ-либо правъ драматическихъ писателей. Въ кодексѣ Сперанскаго, хотя и упоминается кое-что о правахъ драматическихъ авторовъ, но эти статьи закона оставались мертвою буквою и никто изъ драматурговъ даже не думалъ ссылаться на нихъ, какъбы опасаясь быть осмѣяннымъ. Само собою разумѣется, приступить къ отвращенію подобныхъ несправедливостей можно было только когда въ обществѣ созрѣетъ болѣе или менѣе осязательное пониманіе значенія драматической литературы, когда она будетъ имѣть свое мѣсто какъ трудъ полезный и многознаменательный. И только въ самомъ недавнемъ времени, благодаря иниціативѣ А. Н. Островскаго, при дѣятельномъ участіи В. И. Родиславскаго, создалось общество драматическихъ писателей, имѣющее главною цѣлію оградить литературные права драматурговъ. Въ первый годъ существованія общество выполнило свое назначеніе какъ нельзя лучше, такъ, что при новомъ избраніи предсѣдателя, всѣ члены единодушно просили А. Н. Островскаго оставить эту должность за собою.

шивать
возм
теат
чтож
съ
вали
оцѣ
рату
драм
и у
но
изъ
бы
сту
был
осяз
корд
и м
мен
тел
драм
дит
щес
луч
чле
дол

XII.

Василій Васильевичъ Самойловъ.

Талантъ всегда найдетъ себѣ дорогу и выходъ, гдѣ-бы онъ ни былъ зарытъ, куда-бы судьба его ни забросила,—хотя бы даже въ самую противуположную сферу человѣческой дѣятельности. Никакія условія жизни, никакія противодѣйствія не могутъ заглушить въ человѣкѣ его призваніе, или тѣ способности, которыми онъ одаренъ при самомъ рожденіи. Этотъ законъ, или лучше сказать этотъ путь, мы можемъ прослѣдить въ жизни всѣхъ замѣчательныхъ людей настоящаго и прошедшаго времени. Все это совершается во-очію, и трудно было бы опровергать такое общее правило развитія талантовъ, когда передъ глазами нашими существуютъ безчисленные примѣры, почерпаемые въ жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ наукъ и искуствъ. Житейскія обстоятельства и условія происхожденія часто не согласуются съ внутреннею духовною потребностью человѣка, но сила таланта всегда вырываетъ его изъ неподлежащей среды и ставитъ на ту дорогу, на то поприще, для котораго онъ рожденъ. Такъ бываетъ со всѣми талантливыми людьми, такъ было съ отцомъ В. В. Самойлова. Рожденный въ купеческомъ быту, отецъ Самойлова, сбросивъ съ плечъ рыночное бремя, какъ онъ самъ

выражался, почувствовалъ страсть къ музыкѣ и пѣнію. Онъ разсказывалъ, что въ первый разъ звуки кларнета произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ положительно обомлѣлъ,—какая-то искра пробѣжала по всѣмъ его суставчикамъ, и съ тѣхъ поръ каждую ночь онъ спалъ и видѣлъ, какъ бы ему дождаться утренней зари, чтобы снова услыхать эти звуки. Когда же онъ пѣлъ, то душа его, говоритъ онъ, была выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, а когда возвращался въ лавку, къ дневнымъ своимъ занятіямъ, то бѣдная душенька падала въ омутъ барышничества. Само собою разумѣется, что Василій Михайловичъ Самойловъ бросилъ свои купеческія занятія, ушелъ почти пѣшкомъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлился на оперную сцену, и такимъ образомъ создалъ себѣ славу знаменитаго пѣвца, оставивъ послѣ себя цѣлое поколѣніе талантливыхъ артистовъ. На двадцать второмъ году Василій Михайловичъ женился на воспитанницѣ театральнаго училища Софьѣ Васильевнѣ Черниковой, съ которою прижилъ впослѣдствіи многочисленное семейство. Онъ ничего не щадилъ для высшаго образованія своихъ дѣтей, приговаривая: «клади дѣтямъ капиталъ въ голову, а не въ карманъ, никогда не пойдутъ по міру». Благодаря его таланту, въ числѣ многочисленныхъ подарковъ и вознагражденій по заслугамъ, полученныхъ имъ онъ царскаго дома, двое сыновей его воспитывались по высочайшему повелѣнію въ горномъ корпусѣ на казенномъ содержаніи. Одинъ изъ нихъ, Василій Васильевичъ, вступивъ уже офицеромъ въ службу, случайно перешелъ на театръ, и въ наше время сдѣлался замѣчательнымъ актеромъ.

Василій Васильевичъ Самойловъ дебютировалъ въ Петербургѣ на Большомъ театрѣ, въ оперѣ Мегюля «Іосифъ Прекрасный» 3 октября 1834 г. въ партіи Іосифа. Вотъ какъ

онъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ первый свой выходъ на сцену. «Я пріѣхалъ, пишетъ онъ, въ Большой театръ, вмѣстѣ съ отцомъ, который въ той же оперѣ исполнялъ роль Симеона. Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть сквозь занавѣсъ на публику. Зала была полна народомъ: я увидѣлъ множество моихъ товарищей по корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ дрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я какъ будто только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я, а не кто другой. Голова закружилась отъ множества мыслей, одна другой грознѣе, одна другой неутѣшительнѣе, вихремъ закрутившихся передо мною. Неизвѣстность, чѣмъ все это кончится, неувѣренность въ себѣ, боязнь явиться передъ такой многочисленной публикой, въ особенности какой-то ложный стыдъ показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и знакомыхъ, мысль о совершенной неудачѣ, о томъ, что черезъ какой-нибудь часъ уже будетъ поздно возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю... однимъ словомъ я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что дѣлаю, я бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ закостюмированнымъ, и рѣшительно объявилъ ему, что играть не буду и на сцену ни зачто не выйду! Отецъ испугался, началъ меня урезонивать, а между тѣмъ сыграли уже увертюру и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понялъ, что въ эту минуту никакія убѣжденія на меня не подѣйствуютъ, и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: схватилъ меня за руку и насильно вытолкнулъ на сцену. Такой безотчетный страхъ и волненіе испытываютъ чуть-ли не всѣ дебютанты; трудно понять, что бываетъ иногда причиною этого волненія. Сама ли сцена, какъ храмъ искуства, имѣетъ подавляющую, магическую физіоно-

мію таинственности, на которую не выступаешь безъ трепета: или это просто предчувствіе тѣхъ невзгодъ, которыя большей части артистовъ приходится испытывать впослѣдствіи на своемъ поприщѣ.»

Послѣ перваго дебюта, въ январѣ 1835 года, В. В. Самойловъ былъ принятъ въ службу на амплуа первыхъ любовниковъ, какъ въ операхъ, такъ и въ водевиляхъ, съ жалованьемъ по двѣ съ половиною тысячи рублей ассигнаціями въ годъ. Чувство и прекрасное пѣніе скоро были оцѣнены публикою. Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ имъ было исполнено девять партій въ операхъ и оперетках, и восемнадцать ролей въ водевиляхъ. Но недолго Самойлову пришлось участвовать въ оперѣ, которая, послѣ несчастной смерти его отца въ іюлѣ 1838 года, почти совершенно разстроилась, за неимѣніемъ персонала; Василій Васильевичъ окончательно перешолъ на драматическую сцену въ Александринскій театръ, гдѣ голосъ его былъ полезенъ для оперетъ и водевилей. Объ этомъ времени въ своихъ запискахъ онъ говоритъ слѣдующее: «я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Жалованья, которое я получалъ, далеко не доставало не только на содержаніе семьи, но и на самое необходимое, и я принужденъ былъ заниматься частной работой. Болѣе всего меня выручила живопись: я работалъ по заказу небольшія картины масляными красками, карандашомъ, и только благодаря способности моей къ рисованію, могъ кое-какъ существовать. Я не роптал на то, что получалъ малое жалованье, понимая очень хорошо, что прибавка возможна только за заслуги, болѣе или менѣе блестящія и признанныя. Но для этого надобно было играть роли хорошія, видныя, а мнѣ ихъ не давали; за тѣ-же роли, которыя я игралъ, плата, по мнѣнію администраціи, была достаточная.»

Василій Васильевичъ Самойловъ, на первыхъ порахъ своего поступленія на драматическую сцену не сдѣлался любимцемъ публики, и видныхъ ролей, т. е. ролей въ піесахъ капитальныхъ и оригинальныхъ, ему не давали. Съ кончиною Н. О. Дюра къ нему перешли нѣкоторыя роли этого артиста. Особенно былъ онъ хорошъ въ роляхъ съ переодѣваніемъ, гдѣ достигалъ совершенства изумительнаго. Какъ талантливый художникъ и карикатуристъ, вѣрный всегда изображаемому типу, В. В. Самойловъ не имѣлъ соперниковъ въ искуствѣ гримироваться. Врядъ-ли кто изобразитъ такъ поразительно мѣтко типы: поляка, жида, татарина, англичанина, чухонца и т. п., какъ Самойловъ. Но всѣ эти роли, или лучше сказать сценическія шаржи, не удовлетворяли Василія Васильевича; онъ хотѣлъ ролей капитальныхъ, обдуманныхъ и содержательныхъ, къ чему его не допускала дирекція и чего онъ не могъ добиться въ продолженіи десяти лѣтъ, такъ что эта безуспѣшная борьба за право на болѣе обширную сценическую дѣятельность даже привела его въ отчаяніе и онъ серьозно захворалъ; у него разлилась желчь. «Когда я всталъ съ постели, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, то чувствовалъ себя какъ бы новымъ человѣкомъ и духомъ кажется сильнѣе прежняго. Меня возмущали и несправедливости, и деспотическій произволъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла моя будущая артистическая участь. Готовый ко всему, я рѣшился бороться до послѣднихъ силъ и, при всемъ сознаніи своей слабости, ни разу не подумалъ сложить оружіе. Я началъ терпѣливо выжидать... чего? и самъ не знаю; какого-нибудь счастливаго случая. Я выжидалъ—долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ, и наконецъ-таки выждалъ удобнаго случая.»

Дѣйствительно представился случай завоевать себѣ хорошее положеніе на сценѣ, и случай хорошій: Самойлову

пришлось, за отсутствіемъ Мартынова, играть въ бенефисъ режисера Куликова роль музыканта, въ драмѣ Ефимовича «Отставной театральный музыкантъ и княгиня», и играть въ присутствіи Государя. За художественное исполненіе этой роли В. В. Самойловъ получилъ подарокъ. «Боже! у меня едва хватило силъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, перенести мое счастіе! Мнѣ—подарокъ, мнѣ—вознагражденіе, мнѣ—до сихъ поръ загнанному, затертому? Я торжествовалъ, блаженствовалъ; эта первая монаршая милость была для меня тѣмъ же, чѣмъ бываетъ для воина георгіевскій крестъ». Съ этого времени ему назначили поспектакльную плату по два съ половиною рубля и онъ сталъ чаще появляться въ главныхъ капитальныхъ роляхъ оригинальныхъ піесъ. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ, съ тѣхъ поръ Василій Васильевичъ подвизался уже не въ водевиляхъ и переводныхъ драмахъ, а въ произведеніяхъ оригинальной русской драматургіи, въ піесахъ: Н. Полевого, Ободовскаго, Тургенева, Кукольника, Сухово-Кобылина, Дьяченко, Манна, Писемскаго и т. п. Въ этотъ періодъ времени онъ исполнялъ по преимуществу роли характерныя, типичныя, взятыя какъ изъ современной, такъ изъ минувшей, частной общественной жизни.

Но послѣ группы этихъ типовъ, В. В. Самойловъ перешелъ къ выполненію болѣе серьезныхъ ролей, а именно къ воспроизведенію портретовъ лицъ историческихъ. Тутъ онъ воскресилъ дѣятелей былыхъ временъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Къ числу русскихъ историческихъ лицъ, удачно изображенныхъ артистомъ, принадлежатъ: Третьяковскій, Кулибинъ, Костровъ, Дмитревскій, Сумароковъ, Волынскій; а къ числу иностранныхъ: Ришелье и Людовикъ XI. Каждая изъ этихъ ролей имѣла успѣхъ въ публикѣ. Артистъ основательно изучалъ историческую эпоху и изобра-

жаемую на сценѣ личность. Всѣ эти отжившіе историческіе дѣятели, благодаря художественному воспроизведенію ихъ, предстали предъ нами живыми, характерными и колоритными.

Наконецъ и въ область драматическаго изображенія, которая для актера составляетъ вѣнецъ славы, область воспроизведенія характеровъ въ твореніяхъ геніальнѣйшаго изъ драматурговъ — В. Шекспира, Самойловъ рѣшился проникнуть, хотя исполнилъ всего только три роли: Гамлета, Шейлока и Лира. Въ послѣдней роли онъ входилъ въ состязаніе съ извѣстнымъ африканскимъ трагикомъ Айра Ольдриджемъ. Въ то время Ольдриджъ былъ въ Петербургѣ и на другой день представленія написалъ Самойлову слѣдующее письмо: «Мой дорогой сэръ и другъ! Я счелъ-бы себя не довольно вѣжливымъ, если-бы не поспѣшилъ выразить мой восторгъ по поводу вашего вѣрнаго, художественнаго представленія стараго короля. Ваша игра доставила мнѣ великое удовольствіе. Многія мѣста, которыя были для меня нѣсколько темны, вы окончательно разъяснили; относительно другихъ, вашъ великій талантъ утвердилъ меня въ моемъ собственномъ, прежде усвоенномъ пониманіи ихъ. Живите долго, чтобы украшать искуство, котораго вы служите такимъ блистательнымъ представителемъ; вотъ истинное желаніе африканскаго трагика, истинно-преданнаго вамъ Айра Ольдриджа.» Такое письмо конкурента убѣдило Самойлова, что игра его въ «Лирѣ», была художественна и что не только публика, но даже товарищи по професіи и соперники его выразили свое уваженіе къ его таланту. Что же касается зрителей, то и изъ нихъ многіе принимали артиста съ восторгомъ. Доказательствомъ тому служатъ нѣсколько писемъ, полученныхъ В. В. Самойловымъ на другой день представленія отъ неизвѣстныхъ лицъ. Отношенія публики къ ея любимцу были очень восторженными. Но не одна пуб-

лика, и писатели, причастные къ театральному дѣлу, т. е. писатели драматическіе, видѣли въ игрѣ В. В. Самойлова залогъ успѣховъ ихъ произведеній; и отъ нихъ онъ получалъ въ стихахъ и прозѣ заявленія глубочайшаго уваженія къ его таланту. Стоитъ только вспомнить созданную имъ роль Кречинскаго, въ піесѣ А. Сухово-Кобылина, которая, упрочивъ успѣхъ комедіи, перешла въ какую-то класическую формулу, и до сего времени повторяющуюся на всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ русскихъ театрахъ. Эта піеса, благодаря рельефному созданію В. В. Самойловымъ главной роли, до сихъ поръ служитъ излюбленнымъ мѣриломъ способностей для всѣхъ начинающихъ актеровъ-дебютантовъ. Всѣ подражаютъ В В. Самойлову въ этой роли, не только дикціею, но и движеніями, манерами и даже послѣднимъ словомъ: «сорвалось». Мы далеки отъ того, чтобы признать за подражателями какую-либо заслугу въ этомъ; но указываемъ на фактъ, съ цѣлію уяснить, на сколько игра Василія Васильевича была замѣчательна, что даже породила цѣлую вереницу подражателей и почти на полстолѣтіе удержала на репертуарѣ самую піесу. Впрочемъ и самъ авторъ въ этомъ вполнѣ соглашается, говоря, въ письмѣ своемъ къ Самойлову:— «Кречинскій явился въ васъ не только типомъ, а живою конкретною личностью, которой вы, какъ самостоятельный артистъ, имѣли полное право придать всякія диференціальныя особенности выговора, костюма, позъ, движеній и прочаго; это ваша воля и ваша свобода, и потому пусть упрекаютъ васъ за польскій акцентъ другіе, а не я...» Но талантъ В. В. Самойлова заключается не только во внѣшней отдѣлкѣ и созданіи типа. Въ немъ всегда на первомъ планѣ видно желаніе передать не только внѣшнюю сторону лица, но и его внутреннюю жизнь и всѣ волненія героя въ продолженіи перипетіи драмы или комедіи; кого